

"Зеркало (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Марин скучал. Мирко где-то в другом конце зала «отрабатывал» очередную пиарную статью, рисуясь перед камерами под ручку с очередной же мадам, а предоставленный сам себе Сарницкий со стаканом сока пытался найти себе какое-нибудь занятие. Да когда же уже Мирко там освободится?

Взгляд бездумно скользил по гостям, но знакомых лиц не попадалось. И вдруг... Зачесанная назад челка, очки, строгий костюм... Марин сморгнул, решив, что ему привиделось. Но «видение» никуда не делось. В пяти шагах от него стоял его Мирко. Только вот когда он успел переодеться? И где взял эти очки?! Последний раз, когда Марин его видел, тот стоял в окружении журналистов и скалился в объективы фотоаппаратов, сверкая белозубой улыбкой и стреляя глазками сквозь косую челку. И одет он был совсем по-другому. Стильно, но небрежно. Уезжали они вместе. И Марин точно помнил, что никаких сумок и пакетов Благоев с собой не брал. Тогда откуда все это? И почему он, Марин, ничего об этом не знает?

Чувствуя, что начинает злиться, Марин поставил на стол стакан и решительно направился к стоящему в компании какой-то незнакомой девицы Благоеву:

- Мирко!

Тот обернулся, и Марин застыл, не в силах понять, что не так. Словно...

- Марин, вот ты где! А я тебя везде ищ... - Марин медленно повернулся к подошедшему к ним парню - и ему показалось, что он сходит с ума. Потому что это был Мирко, ЕГО Мирко, одетый точно так, как Марин и помнил. И это он сейчас смотрел на своего двойника широко распахнутыми глазами.

- Ну, здравствуй, Мирко, - до боли знакомый, но с какими-то странными нотками голос заставил Марина вернуть свое внимание его обладателю. - Вижу, ты не ожидал меня здесь увидеть, - двойник мягко улыбнулся.

- Что ты здесь делаешь? - Мирко обрел, наконец, дар речи. Зато Марин вообще перестал понимать, что происходит. Мирко что, знает этого... этого... КОГО?

Взгляд Марина прошелся по лицу двойника, опустился на грудь и застыл там: на пристегнутом к карману пиджака бейдже значилось короткое: «Благоев Я.»

- Работаю, - двойник коротко пожал плечами, и Марин снова вскинул взгляд на его лицо. - Я здесь от издательства. Освещаю весь этот, - он сделал широкий взмах руками, - фарс.

- Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? - Марин хотел, чтобы его вопрос прозвучал спокойно и уверенно, но вышел только жалобный писк.

- А у тебя ничуть не изменился вкус, Мирко, - после долгого изучения Сарницкого небрежно бросил двойник. - Голубоглазый и высокий.

- Должно же быть хоть что-то в этом мире неизменным, - в голосе Мирко Марину почудилось рычание, а потом запястье сковали сильные пальцы. - Рад был встрече, но нам пора, - Мирко потянул Марина за собой, но тот стоял, как вкопанный, пойманный в ловушку насмешливого взгляда глаз, блестящих сквозь стекло очков. Таких знакомых и таких чужих.

- Он ведь никогда не рассказывал обо мне, правда? - мягко, обволакивая глубоким голосом с

незнакомыми интонациями, спросил их обладатель у Марина. Тот кивнул, отмечая краем сознания, как все сильнее сжимаются пальцы на его руке. – Я так и понял. Он предпочитает не вспоминать обо мне. Хотя мне не на что жаловаться: Мирко фактически увековечил меня в своих историях, – двойник странно улыбнулся, а потом протянул Марину руку. – Я – Янко. Его брат-близнец.

1.

- Янко, значит? – после почти часового молчания Марина наконец прорвало. – И что ЕЩЕ я о тебе не знаю? – он смотрел прямо на дорогу, стискивая руль все сильнее.

- Обо МНЕ ты знаешь ВСЁ, – Мирко даже не повернулся к нему, продолжая изучать проплывающие мимо витрины магазинов. Марин только сжал губы в полоску. Действительно, о Мирко он знает все. Привычки, характер, рабочий график и распорядок дня. Вплоть до того, с какой ноги тот встает по утрам и как от этого зависит его настроение.

- Хорошо, – он заставил себя выдохнуть и немного расслабиться. – Тогда расскажи мне о нем. И о том, как получилось, что я не знаю того, что у моего любимого человека есть брат-близнец.

Мирко с силой провел ладонями по лицу:

- Тебе это так важно?

Марин кинул на него быстрый взгляд:

- Это важно ТЕБЕ. И это тебе сейчас плохо от этой встречи. Я хочу тебе помочь, но не могу. Просто потому что не знаю, как. И, да, мне это тоже важно.

- Спасибо, – тихо произнес Мирко. – Но я не хочу говорить сейчас об этом.

- Эта встреча настолько выбила тебя из колеи?

- Да, – выдохнул Мирко после долгого молчания. Марин только стиснул зубы: Мирко закрылся наглухо. И достучаться до него, когда он в таком состоянии, практически нереально. Черт, плохо. Конечно, самого Марина эта новость покорила и шокировала, но он справился с этим довольно быстро. И сейчас его больше всего беспокоило состояние Мирко. А еще очень интересовало, почему за столько лет ни сам Мирко, ни его родители не обмолвились ни словом о Янко. «Мирко фактически увековечил меня в своих историях», – в ушах, словно наяву зазвучал голос, который был так похож на голос его Мирко. Похож, но не идентичен. И для музыкального слуха Марина эта разница была заметна. А эти слова... Слишком много в них смысла. Если Янко знает о том, что когда-то писал Мирко, то, значит, следит или следил за тем, что делает и чем занимается брат. А Мирко? Как-то Марин поинтересовался, почему тот выбрал такое имя для своего героя. Но Благоев только отшутился. Больше разговоров на эту тему не было. Марин попытался вспомнить, о чем были рассказы Мирко о Янко Спеваче, и угрюмо констатировал, что не может. Правда, у него есть оправдание: в то время он судорожно пытался не дать их с Мирко отношениям окончательно погибнуть и ему больше ни до кого и ни до чего не было дела. Ладно... Он даст Мирко немного времени, чтобы прийти в себя, а потом вытрясет из него всю историю. Но пока... Что там говорил этот Янко? Что присутствовал на этом вечер от какого-то издательства. Журналист? Скорее всего.

Марин заехал в арку, аккуратно припарковался, и Мирко тут же вышел. Марин проводил его тяжелым взглядом, а потом заглушил мотор. Потянулся за ключом и замер, когда перед глазами с бешеной скоростью замелькали давние фотографии Мирко из Парижа. Мирко в

музее, Мирко в кофейне, Мирко... в очках. Правда, если он хотел изобразить из себя Янко, то у него не вышло: тот походил на филолога-интеллектуала, а Благоев во всем этом наряде больше напоминал молодого художника. Но... Марин сильно тряхнул головой, прогоняя фотографии из памяти. Не время, совсем не время. Позже он, возможно, вернется к этому.

Когда он, закончив возиться с машиной, переступил наконец порог квартиры, Мирко был в душе. На кухне было сильно накурено, и даже воздух из открытой форточки не в силах был развеять плавающий по комнате сигаретный дым. Марин поморщился, включил вытяжку и чайник, и пошел переодеваться. Через минуту хлопнула дверь ванной, и на пороге спальни появился Мирко. Пряча глаза за влажными волосами, он прошел мимо Марина, как мимо пустого места и встал перед зеркалом. Кинул мимолетный взгляд на свое отражение и взялся за расческу. Марин пару секунд смотрел на то, с каким остервенением он пытается расчесаться, а потом решительно подошел и почти вырвал расческу из судорожно сжатых пальцев. Отложил ее в сторону, и аккуратно, очень нежно погладил ладонью волосы, словно успокаивая боль. Мирко напрягся, и со всхлипом обмяк, пряча лицо в ладонях. Марин покачал головой, подхватил его на руки и, сделав шаг, уложил его на постель. Благоев тут же свернулся в клубочек. Марин вытянул из-под него одеяло, накрыл им начавшего дрожать Мирко. Ему до боли хотелось лечь с ним рядом, обнять. Но понимал, чувствовал, что сейчас Мирко его не примет. Что ему нужно побыть одному.

- Спокойной ночи, - Марин склонился к нему, нежно коснулся виска поцелуем. - Если вдруг захочешь есть - я оставлю ужин на столе.

- Спасибо, - голос Мирко звучал глухо и пусто, но Марин был рад даже этому. Он распрямылся, собрал свою домашнюю одежду, в которую так и не успел переодеться, и вышел из комнаты, погасив свет.

Спустя час, после душа и приготовления легкого ужина, он сидел на диване в гостиной и, глядя невидящими глазами на экран беззвучно работающего телевизора, пытался разобраться в самом себе. Знакомство с Янко, сам факт существования у Мирко брата-близнеца, выбили его из душевного равновесия. И все же - почему за столько времени никто из семьи Мирко не обмолвился о Янко? И кто такой этот Янко? Где живет, чем занимается? Он - почти точная копия Мирко, но не идентичен. Марину казалось, что он может уже сейчас сказать, в чем отличие между братьями. В Янко нет блеска Мирко, нет напора, взрыва. От него не захватывает дух, но... он интересен. По-своему. Марин потянулся за диванной подушкой и уткнулся в нее носом. Ткань пахла Мирко, его шампунем, кожей и Марин втянул родной и любимый запах. По телу мгновенно разлилась теплая волна. Кажется, он слишком много думает. А сегодня был тяжелый день. Марин вернул подушку на место, выключил телевизор и поднялся. Пару секунд размышлял, не лучше ли будет лечь спать здесь, а потом отбросил эту мысль. Стараясь не шуметь, дошел до спальни, разделся и скользнул под одеяло. Холодно... Но Мирко откатился к самому краю, а будить его Марин, притягивая к себе, не хотел. Разочарованно вздохнув, он поерзал, устраиваясь поудобнее, и уже закрыл глаза, готовый провалиться в сон.

- Он родился раньше меня на две минуты, - глухой, какой-то безжизненный голос Мирко заставил Марина вздрогнуть от неожиданности. - В детстве мы были неразлучны и чувствовали друг друга так, как только могут чувствовать близнецы. Ему было больно, а я плакал. Когда мне снились кошмары, он всегда просыпался. Но чем взрослее мы становились, тем большие различия начали проявляться. Он всегда был серьезным, а я - слишком подвижным. Все остальное... Я любил яркие, красивые вещи. Ему же было все равно, что носить. Я таскал в школу куклы, а он - машинки и солдатиков. Сначала ни он, ни я не придавали этому значение,

но когда мы стали старше... Мы – копия друг друга, но почему-то именно меня в старших классах одноклассники изводили насмешками и двусмысленными шутками. А он всегда меня защищал. Без разговоров и предупреждений ввязывался в драку, а когда позже мы возвращались домой, и мама с причитаниями обрабатывала его синяки и ссадины, он даже не смотрел на меня. Я не мог сказать ему даже «спасибо». И когда он ушел из дома... Я почувствовал себя брошенным и преданным. Но вместе с этим я испытал облегчение. Позже, намного позже я попытался найти его, узнать, что с ним. Может, помочь. Но, оказалось, что он сам добился всего, чего хотел. И я не решился снова врываться в его налаженную жизнь.

Мирко замолчал, и Марин молча притянул его к себе, надеясь, что сейчас Благоев примет его поддержку. И тот не оттолкнул, не вывернулся из его рук, а лишь прижался к нему еще крепче. словно прячась. Марин коснулся губами бьющейся на виске жилки:

- Все будет хорошо, родной. Я рядом.

- Спасибо, – Мирко на секунду стиснул его в объятиях, а потом расслабился. – Я знаю.

- Спи спокойно, – Марин грустно улыбнулся, чуть отстранился, давая Мирко возможность устроиться поудобнее, и снова обнял его.

Через несколько минут Мирко уснул, а Марин все никак не мог закрыть глаза. Неужели все это время Мирко не спал, а ждал его, чтобы выплеснуть все это? Дурачок... Достаточно было просто позвать.

Но что-то в этой истории Марину все равно не нравилось. Что-то... задевало, не давало полностью и безоговорочно принять ее. Слишком много вопросов и «белых пятен». Почему Янко ушел из дома? Мирко как-то говорил, что рано осознал, что девушки его не интересуют. Неужели это стало причиной окончательного разлада между братьями? Янко не смог принять его и поэтому ушел? И этот странный разговор между ними... Что-то там было. Слишком много недосказанного.

Марин вздохнул и закрыл глаза. Надо поспать. Завтра... Все завтра.

2.

Еще утром ему казалось, что все произошедшее вчера было всего лишь сном. Станным, где-то даже диким, но сном. Мирко был такой как всегда – в меру игривый, в меру капризный. И бесконечно нежный и любимый. Он разбудил Марину поцелуем и, получив свою порцию утреннего, сладкого удовольствия, ушел в душ, оставив Сарницкого лежать на постели и глупо улыбаться.

Но к полудню настроение Мирко неуловимо изменилось. Он по-прежнему улыбался, но все чаще словно проваливался куда-то вглубь себя. И Марин начал хмуриться: последний раз он наблюдал такое как раз тогда, когда их отношения дали серьезную трещину. Ему удалось справиться с этим, но страх потери остался. И поэтому сейчас он не спускал с Мирко глаз, подмечая все мелочи вроде прикуренной и забытой им сигареты или четыре ложки сахара вместо привычных двух. Затуманенные глаза и рассеянный взгляд... Мирко словно находился в двух мирах одновременно. С этим надо было что-то делать. И немедленно.

Марин выкурил последнюю сигарету и выбросил пачку. Решив, что лучшего момента все равно не представится, он быстро собрался и, предупредив Мирко о том, что выйдет за сигаретами, покинул квартиру. Сбежал по лестнице, ища в телефонной книге нужный номер. Набрал вызов и, миновав охрану у ворот, вышел на улицу. На том конце долго не отвечали, и Марин уже

решил, что ему не повезло, как вдруг телефон ожил:

- Здравствуй, Марин.

- Привет, Инвар, – Сарницкий решил, что игнорировать холодный тон Булгачева – в его интересах. – У меня к тебе вопрос. У кого я могу взять список аккредитованных журналистов вчерашнего приема? Ты вроде как спонсором там был.

- У меня. Что именно тебе нужно?

- Контактные данные, – Марин затаил дыхание, но Инвар его разочаровал:

- Кого именно?

Марин только хмыкнул: похоже, Булгачев даже не удосужился просмотреть этот самый список. Иначе обратил бы внимание на знакомую фамилию и не задавал таких вопросов.

- Я помню только имя, – ложь сорвалось легко. – Янко.

- Зачем он тебе? – Инвар мгновенно преисполнился подозрением, и Марин усмехнулся.

- Он обещал мне показать статью прежде, чем опубликовать ее. Но я забыл спросить его номер, – и Инвару вовсе необязательно все знать.

- Хорошо. Сейчас поищу, не отключайся, – до Марина донесся тяжкий вздох, бормотание и щелчки компьютерной мыши. – Вот нашел. Записывай.

- Подожди, – Марин судорожно завертелся на месте, пытаясь вытащить из кармана второй телефон. – Диктуй.

Но ответом ему была только тишина.

- Инвар? – Марин напрягся.

- Сарницкий, – кажется, у Булгачева сел голос. – А ты в курсе, какая у твоего Янко фамилия?

Марин закусил губу. Черт...

- Про его настоящую я ничего не знаю, а если ты про ту, под которой его аккредитовали – так это кто-то перепутал, когда вносил данные. Мы разговаривали с ним об этом. И долго смеялись.

- Тупые помощники, – Инвар выругался, и Марин тоже перевел дух:

- Ладно, материться потом будешь. Телефон продиктуй.

Инвар дал ему номер и отключился. А Марин купил сигареты и присел на лавочке перед подъездом, в последний раз взвешивая все «за» и «против». Если Мирко узнает, что он разговаривал с Янко за его спиной... Но ведь и пускать все на самотек тоже нельзя. Однажды он уже совершил ошибку.

Отбросив все сомнения, Марин решительно набрал номер Янко. На вызов ответили сразу, и Марин на несколько секунд словно выпал из реальности, услышав до боли знакомый и в то же время чужой голос:

- Я слушаю.

Марин облизал пересохшие от волнения губы:

- Здравствуйте. Это Марин. Марин Сарницкий. Помните меня?

- Не думал, что услышу вас так скоро, - в голосе Янко звучала усмешка. Но другая, совсем не такая, как у Мирко. И Марин решил проигнорировать ее:

- Я хотел бы с вами поговорить.

- О нем?

- О вас. И о нем тоже.

- А он в курсе? Хотя можете не отвечать, - Янко ненадолго замолчал. - Я смогу сегодня вечером.

Марин прикинул. Сегодня у Мирко репетиция. И он будет в театре допоздна.

- Хорошо. Вечером, - чувствуя себя чуть ли не предателем, выдохнул Марин.

Договорившись о месте и времени, он отключил телефон и поднялся. Пора возвращаться домой, а то Мирко волноваться начнет.

3.

Найти кофейню, в которой они договорились встретиться, оказалось не так-то просто. Марин в первый раз оказался в этом районе и был удивлен тем, что почти в самом центре города есть такие узкие и уютные улочки, с маленькими ресторанчиками и старинными фонарями. Кофейня тоже оказалась маленькой, но очень уютной. Мягкий свет, круглые столики на двоих... И все это пространство наполнял сладкий запах горячего шоколада.

Янко обнаружился сидящим рядом с большим, в пол, окном. Чуть склонив голову к плечу, он глазел на проходящих мимо прохожих и сейчас, именно сейчас не просто был похож на Мирко. Он был ИМ. Та же прическа, цвет волос, тот же жест и изгиб шеи... Марин сглотнул, а потом сжал в кулаке ключи от машины и направился к Янко.

- Добрый вечер, - он остановился в полушаге, жадно ища в обернувшемся к нему лице черты, которых нет у его Мирко. Ну хоть что-то... Но на него смотрели глаза Мирко, это ЕГО пушистые ресницы бросали тень на кожу щек. И это ЕГО скулы обрамляли длинные пряди.

- Добрый, - Янко улыбнулся, снимая очки, и Марина затопило облегчение: на таких же, как у Мирко пухлых губах отсутствовал шрамик. Тот самый, от которого Марин просто сходил с ума до сих пор.

- Я не опоздал? - он открыто улыбнулся и сел за столик.

- Нет, это я пришел раньше, - Янко откинулся на спинку стула, окидывая его внимательным взглядом, который Марин спокойно встретил. - Итак, вы хотели поговорить.

- Да... - Марин вдруг растерялся. Он готовился к этому разговору, но сейчас почему-то забыл все слова: сидящий перед ним человек сбивал с толку одним своим существованием.

- Не скрою - мне тоже интересно поговорить с вами. Поиграем в «вопросы и ответы»?

Марин только пожал плечами. Он не собирался ничего скрывать, да и скрывать особенно нечего. Несмотря на весь их пиар, о том, что они с Мирко - пара, не знал только не имеющий Интернет и не читающий «желтые» газеты.

- Тогда вы первый, - Янко улыбнулся, и Марину снова показалось, что он сходит с ума. Эта улыбка...

- Почему вы ушли из дома? - Марин понимал, что, возможно, лезет на запретную территорию, но ему было все равно.

- Вы знаете об этом... - ему почудилось или в голосе Янко действительно прозвучали удивление и легкое разочарование? - Я ушел из-за него. Мое присутствие стало его напрягать. И я решил, что так будет лучше для всех. Я исчез, и мы оба вздохнули с облегчением.

Марин нахмурился. Что-то в словах Янко... Марин буквально каждым волоском чувствовал, что все эти слова - лишь доля правда, густо приправленная недомолвками.

- Моя очередь, - Янко подался вперед, и Марин невольно напрягся, подавив желание отшатнуться. - Что он рассказал обо мне?

- Немного, - чем дальше, тем больше их разговор казался Марину прогулкой по минному полю. - Только то, что когда-то вы были очень близки, а потом разошлись. Вы ушли из-за того, что ему нравятся парни?

- Нет, - Янко мотнул головой, отбрасывая длинную челку, упавшую на лицо. - Это ЕГО напрягала собственная ориентация.

Марин сузил глаза, готовый задать новый вопрос, но Янко его опередил:

- Почему он перестал писать романы?

- Его жизнь наладилась, - Марин мог только предполагать, но был почему-то уверен в том, что прав. - Вы следили за ним?

- Да. Я ни секунды не выпускал его из вида, - Янко пожал плечами, не спуская с Марина настороженного, внимательного взгляда.

- Почему? Вы же ушли.

- Ушел - не значит оставил. Он - мой брат, - Янко небрежно смахнул со стола несуществующую крошку. Марин отвел глаза. Что-то... напрягало.

- Чем вы занимаетесь сейчас, где работаете? - он снова повернулся к Янко.

- Вообще-то, сейчас моя очередь задавать вам вопросы, - Янко отпил из стоящей перед ним чашки и поморщился. - Черт, холодный... Но я все равно отвечу. Я работаю в одном пафосном журнале, живу здесь, но из-за постоянных командировок дома меня застать нереально.

- У вас кто-нибудь есть?

- А вот это вас уже не касается, - Янко мгновенно огрызнулся. - Я же не спрашиваю вас, нравится ли вам спать с моим братом.

Марин усмехнулся:

- Нравится. Очень, – он поймал изумленный взгляд Янко и не удержался от смеха.

- Кажется, теперь я понимаю, что он в вас нашел, – со странной интонацией протянул Янко, и Марин тут же замолчал. Сознание попыталось, но не смогло объяснить, что ему не нравится, но инстинкты... Тон Янко, его голос – от этого Марина почему-то бросило в озноб. А еще вдруг стало страшно за Мирко. И он тут же кинулся на защиту:

- Мне все равно, кем вы приходитеесь Мирко, но если вы появились чтобы принести ему неприятности...

- Вы свернете мне шею, я понял, – Янко вскинул руки. А потом обезоруживающе улыбнулся. – Моему брату очень повезло с вами. Надеюсь, что он сам понимает, какое сокровище досталось ему в вашем лице.

Марин только усмехнулся: в искусстве насмешки Янко было далеко до его брата, который овладел им в совершенстве. Поэтому его выпад ушел в никуда.

- О, он ценит, уверяю вас, – Марин откинулся на спинку стула. – Почти каждую ночь. А иногда и по несколько раз за ночь.

- Рад за вас, – Янко сказал это спокойно и неэмоционально, но Марин был уверен, что тот далеко не так спокоен, как хочет это показать. Значит, ему все-таки неприятно слушать об отношениях собственного брата с парнем? Что ж... Кажется, он уже узнал, что хотел. Можно возвращаться домой. И он уже начал подниматься, когда во внутреннем кармане завибрировал телефон. Марин вытянул его и, даже не взглянув на дисплей, приложил трубку к уху:

- Да, мой хороший? – он не собирался разыгрывать спектакль перед Янко, но нежность в голос прорвалась сама.

- Марин, мы почти закончили, я буду через часок, – Мирко говорил медленно. Значит, устал просто смертельно.

- Я буду ждать тебя, – Марин улыбнулся тихому «люблю» и отключился. Поймал непонятный, тяжелый взгляд Янко и поднялся. – Спасибо, что согласились встретиться со мной. Но мне пора.

- ОН ждет? Кстати, раз уж вас не смущают откровенные вопросы, может, ответите мне, кто из вас двоих «девочка»?

Марин застыл. А потом медленно наклонился, нависая над столом, заглянул в глаза с расширившимися зрачками, а потом ласково выдохнул, обжигая дыханием лицо Янко:

- Я.

Ресницы Янко взлетели вверх, но он быстро справился со своим удивлением:

- Вы лжете.

- Нет, – Марин продолжал улыбаться. – Но вам этого не понять.

- Вы. Лжете, – упрямо выдохнул Янко, отвел глаза, а потом и вовсе отодвинулся, словно присутствие Марина для него было невыносимо.

- Вы так же упрямы, как и ваш брат или просто не желаете менять о нем свое мнение? - Марин позволил себе усмехнуться.

- Я достаточно хорошо знаю его, - Янко передернул плечами.

- Что вы имели в виду, говоря о его неизменном вкусе? - еще вопрос и Марин уйдет.

Янко облил его насмешливым взглядом:

- Его первой любовью был высокий голубоглазый блондин.

- Судя по всему, она не была взаимной?

- Вас не беспокоит то, что, возможно, он с вами только потому, что вы похожи на того, первого? - удивленный его спокойной реакцией, спросил Янко.

- Нет, - Марин не врал. Ему действительно было все равно. Они с Мирко давно решили, что их прошлое останется только в их памяти.

- Вы ангел? Или безумец? - кажется, Янко стало по-настоящему интересно.

- Скорее второе, - Марин усмехнулся. - Я всего лишь люблю его.

- Мило, - протянул Янко, а потом вытянул из лежащей на столе пачки сигарету и быстро прикурил. - Тогда почему вы смотрите на меня так, словно я - враг? Ведь я - его точная копия.

- Вы - это вы, - Марин решил, что разговор пора заканчивать и потянулся за ключами от машины. - И внешность... - он развел руками, не в силах описать словами то, что чувствовал.

- Я понял, - Янко щелчком сбил столбик пепла. - Вы хотите сказать, что к лицу и телу прикладываются еще душа, характер и прочие невидимые глазу вещи. Которые вы, судя по всему, и любите в моем брате. Что ж, я рад за него. Но вы ошибаетесь.

Марин нахмурился и открыл рот, чтобы задать вопрос, но Янко остановил его:

- Нет, я не собираюсь ничего объяснять. И, кажется, вы собирались уходить?

Марин вскинул голову:

- Вы правы. Спасибо, что согласились встретиться со мной, но теперь я прошу вас больше никогда не появляться в нашей жизни.

- Даже если ОН позовет меня? - губы Янко тронула странная улыбка.

- Если он еще не сделал этого, то вряд ли сделает вообще.

- Он думал обо мне, когда ему было плохо. Его рассказы кричат об этом, - Янко следил за его реакцией, как коршун за добычей. И продолжал улыбаться.

- Ему больше никогда не будет плохо, - бросил Марин, начиная злиться. Этот разговор ему не нравился. И поведение Янко - тоже. - Всего хорошего. Надеюсь, я вас больше не увижу, - он резко развернулся на каблуках и, крутя ключи на пальце, направился к выходу из кофейни. Янко проводил его пристальным взглядом, а потом усмехнулся, выдыхая сигаретный дым:

- Надейтесь, юноша, надейтесь. Ваша надежда умрет первой...

4.

- Марин, я не хочу туда идти, – спокойно, почти равнодушно произнес Мирко и отвернулся от зеркала, в которое смотрелся последние две минуты, наводя последний глянец перед выходом «в свет». Марин поймал его отрешенный взгляд и нахмурился. Что-то странное творилось с его парнем в последнее время. Как по мановению волшебной палочки исчезли так раздражавшие Марину пустые истерики и излишняя театральность. Еще неделю назад эти же слова сопровождалась бы бурной жестикуляцией и дрожащими губами. А сейчас от этой почти ледяной отрешенности Марина продрал озноб. Особенно если знать, что видимых причин для этого нежелания у Мирко нет. Или он, Марин, просто не знает о них.

- Тогда давай не пойдем, – Марин поймал взгляд глаз Мирко, но не смог его прочесть. – Ну, что случилось? – он подошел к нему и мягко привлек к себе. Мирко вздохнул, на долгую минуту просто застыл в его руках, словно впитывая идущее от Марина тепло, а потом отстранился. Поднял голову и улыбнулся так, как улыбался только ему – нежно и чуть лукаво:

- Ничего, – ладонь прошлась по руке от плеча до запястья. – Просто я надеялся провести этот вечер с тобой, а не в компании людей, половина из которых будет презрительно кривиться нам вслед, а другая – облизываться и прикидывать, сколько предложить за нас агенту и стоит ли брать двух сразу или хватит кого-то одного.

Марин только головой покачал, кусая губы в попытке сдержаться и не рассмеяться:

- Ты слишком сгущаешь краски. Туда, куда мы идем, первые будут составлять едва ли один процент из всех присутствующих, а вторые... Так всегда было и будет. Мы не первые и не последние.

- Только мы самые красивые, – Мирко тихо рассмеялся. – Но никогда никому не достанемся. Эта мысль будет греть мне сердце. Знаешь, кажется, я передумал.

- Хм?.. – Марин вскинул бровь, уже догадываясь, что услышит. – Что опять ты задумал?

- Ничего, – Мирко мгновенно сделал невинные глазки.

- Да, конечно, – буркнул Марин. А потом резко дернул Мирко на себя и с силой провел руками вдоль тела. – Если увижу, что ты кому-нибудь глазки строишь...

- Шею свернешь обоим. Знаю-знаю, – Мирко подался вперед, нежно касаясь губами его губ и шепча. – Не волнуйся. Я только твой.

Не в силах больше сдерживаться, Марин прижался к дразнящим своей близостью губам, целуя сильно, почти жестко. Оставляя на них видимый след принадлежности. Мирко только вздохнул, облизывая припухшие и сильно покрасневшие губы:

- Собственник...

Марин согласно кивнул, сумасшедше улыбаясь, и потянул его за собой к выходу из квартиры.

Марин тонул в его глазах. Искрящихся, счастливых, шальных. В глазах, в которых отражался только он. Тонул и чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Официальная часть уже давно закончилась, положенные речи были давно сказаны и забыты, и сейчас в большом

зале грохотала музыка и в ритме сердца вспыхивали лучи светомузыки. Хаос, смешение, жар, страсть. И в центре всего этого – его Мирко. Сегодня он царил на танцполе. Но, изгибаясь, соблазняя, купаясь во всеобщем внимании и желании, он смотрел только на Марина. Ловил его взгляды, каждым взмахом ресниц словно говоря: «Это для тебя. Все только для тебя». И Марин пьянел. В голове шумело, сердце билось о ребра, а тело изнутри и снаружи омывал жар. Облизывал его, заставляя глухо стонать и сжимать кулаки все сильнее. Мой, мой, мой... Всем существом владела только эта мысль. МОЙ.

Оглушенный собственным желанием, он не видел никого и ничего, кроме Мирко. И поэтому когда тот вдруг исчез за спинами вышедших на танцпол людей, Марин сначала даже не понял, почему он вдруг больше не видит его гибкий силуэт. И когда перед ним появился раскрасневшийся, тяжело дышащий Мирко, вздрогнул от неожиданности.

- Мир...

- Хочу тебя, – тот подался вперед, прижимаясь к Марину всем телом. Лизнул скулу, и Марин зашипел от полыхнувшего в теле удовольствия. Нашел руку Мирко, стиснул запястье и, забыв обо всем, повел за собой.

...Полумрак VIP-комнаты, мягкие диванные подушки и горящее, покорное тело любимого человека, которого хочется залюбить до потери рассудка. Жадные руки, обжигающие губы... Мирко выгибался, подставляясь под его поцелуи и, задыхаясь, захлебываясь воздухом, просил еще и еще. И Марин послушно ласкал его, сам сходя с ума от ощущения мягкой кожи под ладонями и громких, сладких стонов. А когда Мирко раскинулся перед ним – готовый, ждущий его, сознание исчезло. Марин утопил его в глубине тела Мирко. Там, где в эти минуты для Марина сконцентрировалась вся вселенная. Вскрик, стон, плечи обожгло легкой болью, которая только усилила удовольствие. Марин взвыл, откинул голову и к шее тут же прижались горячие губы, оставляя красный след. Ни капли нежности... Лишь голодная страсть и дикая жажда обладания. Взять, подчинить, заявить права.

- Да, Мар, ДА! Даааа... – Мирко стонал, мотал головой, кажется, даже плакал. Марин собирал с висков капельки пота, вылизывал и целовал, целовал мгновенно высыхающие приоткрытые губы, топя в них свои собственные стоны. И зашелся в немом крике, когда терпеть все усиливающееся удовольствие стало уже невозможно. Чувствуя лишь краем сознания, как бьется под ним Мирко, как дрожит и сжимает его внутри себя. А потом поток, как показалось, жидкого огня накрыл его с головой, выжигая из сознания (памяти?) случайно пойманный им странный, дикий взгляд горящих глаз стоящего на пороге комнаты парня. Парня, так сильно похожего на его Мирко...

5.

- Марин, извини, но мне надо в театр, – Мирко закончил телефонный разговор и коснулся руки Марина, сосредоточенно изучающего очередную смс. – У нас все сроки горят, надо помочь.

Марин с мгновение изучал виноватое лицо Мирко, а потом нахмурился, чувствуя глухое раздражение. Нет, он понимал, что театр для Мирко значит очень много, и уважал его работу, но не тогда, когда эта работа отнимала у него его парня! Сегодня они в кои-то веки выбрались вдвоем поужинать в их любимый ресторан, и, не успели еще принести их заказ, как Мирко уходит.

- Мне скоро придется твою фотографию с собой носить, чтобы не забыть, как ты выглядишь, – проворчал Марин.

- Марин, ну... - Мирко закусил губу, глядя на него умоляющими глазами, и Сарницкий только вздохнул.

- Иди. А я отменю заказ.

- Зачем?

- Я не собираюсь сидеть здесь без тебя, - отрезал Марин и поднялся вслед за Мирко. - Лучше поужинаем дома, когда ты вернешься. Я как раз что-нибудь приготовлю.

Мирко молча кивнул, и они вышли из ресторана. Но на крыльце, прежде чем разойтись, Мирко вдруг придержал Марина. Встал вплотную, заглянул в глаза:

- Просто хочу, чтобы ты знал. Я люблю тебя больше всех на свете. И если сейчас ты попросишь меня остаться, то я это сделаю.

Марин грустно улыбнулся:

- Я знаю, хороший мой. Поэтому не попрошу. Я, конечно, эгоист и хотел бы, чтобы ты был рядом со мной круглые сутки, но...

Взгляд Мирко потемнел:

- Ты изменился, Марин.

- Стал хуже?

- Просто повзрослел. Еще не так давно ты мечтал о том, чтобы замкнуть мою жизнь на себе.

- Я знаю. Но я не собираюсь повторять свои ошибки.

Мирко улыбнулся. Нежно, ласково. Забыв о том, что их может кто-нибудь увидеть.

- Я постараюсь не задерживаться, - он невесомой лаской прошелся кончиком пальца по внутренней стороне запястья Марина. Тот молча кивнул, и Мирко спустился с крыльца. Марин проводил его взглядом, а потом вдруг тихо произнес:

- Ты тоже изменился. Очень изменился.

Мирко буквально развернуло на месте:

- Я стал хуже? - он улыбался лукаво, чуть сумасшедше, и сердце Марина заныло.

- Нет. Я не знаю. Просто сейчас я уверен в том, что хочу прожить с тобой всю оставшуюся жизнь.

Глаза Мирко заискрились. Он с силой прикусил губу и резко опустил голову, пряча лицо. А потом и вовсе развернулся. Как-то неловко, по-детски дернул плечами и заторопился к метро. Марин понимающе улыбнулся и тоже спустился с крыльца, доставая из кармана ключи от машины. Когда Мирко вернется, его будет ждать горячий ужин. Но сначала надо будет заехать за продуктами.

Марин припарковался и, матерясь в полголоса, вышел из машины, прихватив с собой пакеты

из супермаркета. Пробка на дороге, очередь у кассы и, как результат – настроение упало до отметки «хуже бывает, но редко». Марин захлопнул дверцу, включил сигнализацию, обошел машину и замер, заметив неподвижно сидящую на скамейке у подъезда фигуру.

- Мирко? Ты что здесь делаешь? А как же театр?

- Я вернулся раньше, чем предполагал. Понял, что тебя нет дома, и решил подождать здесь, – в тусклом свете подъездного фонаря разглядеть выражение его лица было невозможно, но сердце Марина странно сжалось. Что-то в голосе...

- Значит, я не успел приготовить ужин, – пообещав себе, что обязательно расспросит Мирко об этом позже, Марин поднялся на крыльцо подъезда. – Потерпишь?

- Конечно, – Мирко встал и пошел вслед за Марином. Придержал дверь, а потом вызвал лифт.

- А я простоял все это время в пробке, – пожаловался Марин, когда дверь кабины закрылась за ними.

- А я... кажется, потерял ключи, – вздохнул Мирко, и Марин только покачал головой: если это из-за этого Благоев так загрузился... И глаз не поднимает.

- Не переживай. Скорее всего, в театре оставил. Завтра там поищешь. Подержи, – они вышли из лифта, Марин отдал Мирко пакеты, а сам открыл дверь. Переступил порог, забрал пакеты обратно и прошел на кухню. Разложил продукты и застыл посреди комнаты, прикидывая, что лучше приготовить – быстро или вкусно. Наконец, отчаявшись сам решить этот вопрос, он обратился за помощью:

- Мирко! Ты сильно голоден? Или продержишься еще немного?

Но ответом ему была тишина. Нахмурившись, Марин прислушался к звукам в квартире. Вода в душе не шумела, телевизор тоже молчал. Где Мирко, почему не отвечает? Марин вышел в коридор, заглянул в большую комнату и, не обнаружив там искомое, повернул в другую сторону. Миновал кабинет, студию и приоткрыл дверь в спальню. Мирко лежал на не разобранной постели в одном белье, и Марин, недоуменно сдвинув брови, переступил порог. Подошел к лежащему, склонился и вдруг резко отшатнулся. В полумраке комнаты его глаза мгновенно стали черными. Сжав зубы, он вышел также тихо, как и вошел. Закрыл дверь и направился в прихожую. Вытащил из шкафа пальто и внимательно его оглядел. А потом вернулся его на место, выудил из валяющейся там же на тумбочке пачки сигарету, сгреб зажигалку, телефон и вернулся на кухню, предварительно хорошенько заперев входную дверь.

На кухне Марин открыл форточку, прикурил, сделал пару жадных затяжек, а потом взял в руки телефон. На том конце долго не отвечали, но он упрямо ждал, и наконец трубка отозвалась усталым, родным голосом:

- Да, Марин, мы уже почти закончили...

Но Сарницкий не стал слушать:

- Я звоню всего лишь для того, чтобы предупредить: если через пятнадцать минут ты не будешь дома, я прибью твоего братца. Не знаю, что там у вас произошло, но вам, кажется, пришла пора поговорить, – голос дрожал от еле сдерживаемой ярости, которую Марин даже не пытался скрыть.

- Марин, что случилось?!

- Ничего особенного. Просто у него точно такое же пальто, как и у тебя, но только что купленное, он ждал меня у дома, наплел байку про потерянные ключи и, воспользовавшись тем, что у меня не было возможности его разглядеть, обманом проник в нашу квартиру. И теперь валяется в НАШЕЙ спальне, на НАШЕЙ кровати! – на последних словах Марин уже рычал, ничуть не опасаясь, что Янко может его услышать.

- Хорошо... – через долгие мгновения тишины отозвался Мирко потухшим голосом. – Я еду.

Он отключился, и Марин заметался по кухне. Как Янко посмел влезть в их жизнь?! Зачем?! Зачем он вообще это сделал? Зачем пришел, почему валяется в их спальне в одном белье? Надеялся, что Марин примет его за Мирко, а когда вернется настоящий – посмеется над ними? Сволочь! Желание пойти и просто прибить Янко накатывало жаркими волнами, но Марин решил, что теперь это – дело Мирко. В конце концов, это ЕГО брат. И сейчас нужно все предоставить ему. А если он вмешается... Может стать только хуже.

Марин остановился у окна и снова закурил. Взгляд пробежался по окнам соседнего дома, опустил во двор и прикипел в «шашечкам» въезжающего в арку такси. Сердце дало сбой, когда оно остановилось, и из него вышел Мирко. Где-то на краю сознания мелькнула мысль о том, что вечером он, наверное, был не в себе, если умудрился перепутать Янко с Мирко. Несмотря на всю их идентичность и одинаковую одежду. В сердце кольнула вина, но Марин безжалостно раздавил ее, как и докуренную сигарету в пепельнице: с этим он разберется позже.

Он помахал рукой, разгоняя дым, а потом прошел в коридор. Встал перед дверью и когда до него донесся звук шагов, рывком распахнул ее, встречая Мирко. Тот поднял на него большие, потухшие глаза, переступил порог и на долгую секунду просто прижался к Марину. Тот отпустил ручку и неловко, как в первый раз, обхватил его плечи.

- Мир... – на грани слышимости позвал он, и Благоев мгновенно отстранился. Провел ладонью по его щеке:

- Уйди. Пожалуйста. Ненадолго, – Мирко смотрел прямо в душу, и Марин молча снял с вешалки куртку.

- Марин... Не обижайся. Просто... Так надо. Поверь, – Мирко отступил, давая ему пройти.

- Я знаю, – Марин коротко коснулся губами его виска, а потом вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Мирко еще с секунду прислушивался к звукам в подъезде, а когда дробный стук шагов спускающегося по лестнице Марина затих, выдохнул и потянул пальто с плеч. Повернулся, собираясь повесить его в шкаф и замер, наткнувшись взглядом на точно такое же пальто, уже висящее там. Мирко скрипнул зубами, а потом сдернул с вешалки чужую одежду, небрежно кинув ее на стоящую в коридоре тумбочку с зеркалом. Повесил свое пальто на его законное место, задвинул дверь, на мгновение замер, прикрыв глаза, а потом коротко выдохнул и направился в спальню. Распахнул дверь, переступил порог и, не включая свет, прошел дальше. Света с улицы и заглядывающей в окно луны хватило, чтоб разглядеть лежащего на постели парня. Мирко прикусил губу, и подошел к кровати. Сел на край, чувствуя бедром тепло обнаженного тела, а потом зарылся пальцами в длинные пряди брата:

- Ну и зачем ты это сделал? – шепотом, словно боясь потревожить танцующие на стенах тени,

спросил он.

Ресницы Янко дрогнули, и медленно поднялись, и он мягко улыбнулся:

- Хотел узнать, что ты в нем нашел.

- Узнал? – Мирко, чуть склонив голову к плечу, смотрел на то, как светлые волосы текут сквозь его пальцы.

- Нет, – Янко перевернулся на спину, подставляя под внимательный взгляд Мирко ничем не прикрытое тело. С улыбкой понаблюдал за тем, как осматривает его Мирко, а потом поинтересовался: – Нравится?

Губы Мирко дернулись:

- Ты и правда думал, что он не поймет?

- Ну, у меня почти получилось, – Янко поднял руку и медленно, очень аккуратно выпростал из волос пальцы Мирко, а затем переплел их со своими. – Ты изменился, – на грани слышимости выдохнул он.

- Ты тоже. Зачем ты пришел, Ян?

Но тот в ответ только рассмеялся. Услышав его смех – странно-изломанный и немного сумасшедший, Мирко напрягся, собираясь встать, но Янко оказался быстрее. Рванувшись вперед, он схватил Мирко за плечи и резко потянул на себя. Принял вес не ожидавшего этого брата, а потом перекатился, вжимая его в постель. Поймал взметнувшиеся руки, прижал запястья к постели, а сам оседлал его бедра, лишив возможности двигаться.

- Попался, солнышко, – Янко нежно улыбнулся, и Мирко дернулся, разглядев на дне его зрачков темный огонь настоящего безумия. – Братик, братик, – Янко нагнулся к нему, Мирко отвернулся и кончик острого, горячего языка прошелся по скуле, – ты хорошо подкачался, но я все равно быстрее тебя. И да – все еще сильнее.

- Отпусти, – сквозь зубы процедил Мирко, стараясь говорить спокойно.

- Ты меня боишься? – Янко навис над ним, касаясь кончиками волос его лица. – Не надо. Ты же знаешь, что я никогда не сделаю тебе ничего плохого, – он выпрямился, оглядывая расprostертого перед ним Мирко. А потом отпустил одну руку и потянул его водолазку из пояса брюк. Воспользовавшись этим, Мирко вырвал вторую руку из захвата и дернулся в сторону. Ему почти удалось, но Янко снова оказался быстрее. И спустя несколько секунд отчаянной борьбы Мирко снова был водворен в прежнее положение.

- Отпусти!! – он выгнулся дугой в последней попытке сбросить с себя Янко, но только прижался к нему еще сильнее.

- Тихо, тише... – тот держал его легко, почти играючи. – М-м-м, нежный мой, ты так пахнешь... – Янко втянул запах кожи Мирко, и тот замер, чувствуя, как паника и что-то еще, давно забытое, наполняет тело.

- Ты псих, Ян!

- Я? – Янко криво улыбнулся. – Может быть. Но кто сделал меня таким? Как думаешь, что

скажет бедный, влюбленный в тебя до безумия Марин, если узнает о нашей маленькой семейной тайне?

- Нет... - глаза Мирко широко распахнулись, и Янко тихо застонал, сильнее стискивая его запястья. - Этого не было, слышишь?! НЕ БЫЛО!!

- Заткнись! - Янко резко подался вперед. - Просто заткнись! Ты можешь врать себе и дальше, но я все помню! ВСЕ! Каждую секунду и каждый твой жест! Ты хотел этого не меньше, чем я! Это ты, а не я... - последние слова он говорил уже шепотом, склонившись так низко, что его дыхание обжигало бледное лицо замершего, словно парализованного Мирко. - Это ты, любимый, заразил меня собой...

- Ян... - тихий выдох Мирко утонул в глубине рта Янко, который с жадностью набросился на его губы. Мирко выгнулся, напрягся, пытаясь отстраниться, уйти от болезненного поцелуя, который пробуждал в нем что-то темное, запретное. Забытое. То самое, что сейчас вдруг замелькало яркими, четкими картинками перед глазами. Безумие давних дней, горящие глаза Янко, собственное изнемогающее в его руках тело сходящего от буйства гормонов подростка. И дикое, непреодолимое желание, которое, казалось, не утихнет никогда.

- ЯН, НЕТ!! - Мирко собрал последние силы и, вырвав свои руки из захвата Янко, столкнул его с себя и вскочил с кровати. Взгляд прошелся по комнате и остановился на окне. Воздух, ночь, прохлада. Мирко рванулся к окну, распахнул створки и со всхлипом подставил сквозняку горящее лицо. Закрыв глаза, откинул голову, пытаясь взять под контроль память и вопящее от ужаса сознание.

- Бедный ребенок... - прижавшийся к спине Янко мягко обвил руками его талию. Шею обожгли нежные губы, и Мирко забыл о своих попытках.

- Зачем ты пришел, Ян? Зачем снова вернулся?! - с отчаянием спросил он, судорожно цепляясь за оконные створки, как за соломинку. От собственной беспомощности перед этим голосом, который был так похож на его собственный, перед руками, которые знали его тело лучше его самого, хотелось плакать и рычать одновременно. Надо выгнать Яна из квартиры, выкинуть из жизни, но...

- Потому что ты мой, - наглые пальцы забрались под водолазку, прошлись по животу, поднялись выше, обласкали соски. - И всегда был моим. С самого своего рождения ты был предназначен МНЕ, - Янко жадно, лихорадочно покрывал поцелуями шею и ключицы, обжигая дыханием и шепча, как в бреду. - И я ни секунды не выпускал тебя из вида. Я знаю все. Как ты шел к тому, что имеешь сейчас, как стал таким, как сейчас. Ты помнишь, скольких ты уложил к своим ногам? А я знаю их всех. Я ненавижу каждого, на кого падал твой взгляд. Но я знал, что они - всего лишь мгновения в твоей жизни. И я ждал, о, как я ждал, что однажды ты вспомнишь обо мне, позовешь. А потом... Любимый, - Янко мягко отогнул его голову и на секунду прижался к губам, - ты взял себе мою биографию. Ты никогда не хотел стать журналистом, ты никогда не стригся налысо. Зачем? Чтобы быть ближе ко мне? Твои романы, твои интервью, в которых ты рассказывал обо МНЕ, как о себе... Ты звал меня. И я пришел.

- Ты ошибся, - Мирко трясло под лаской таких знакомых рук. Сознание тонуло в вязком, каком-то сладко-приторном тумане. Но душа еще сопротивлялась. - Я не звал тебя.

- Этот мальчишка запудрил тебе мозги, - Янко прикусил нежную кожу ключицы, и Мирко вскрикнул. - Но он не знает тебя так, как знаю я. Все мысли твоей темной сущности, всю извращенность твоего ума и желаний.

- Я изменился, Ян. И все, что было, осталось в прошлом.

- Нет, мой нежный, нет. Теперь я не отпущу тебя так просто. Ты свел меня с ума.

- Ты сам сошел с ума! – Мирко резко развернулся в его руках и заглянул в глаза своему самому страшному кошмару. Своему безумию.

- Ты соблазнил меня. Не оставил мне выбора, поймав в свою ловушку, – Янко улыбнулся мягко, ласково, и Мирко отшатнулся. – После того, как я увидел, КАКИМ ты можешь быть в ласкающих тебя руках... Думаешь, у меня был шанс спастись?

Мирко побелел. Самые сладкие и самые ненавистные воспоминания... Первая любовь и первый раз. ОН. Высокий, красивый, голубоглазый. Еще совсем неопытный, но бесконечно нежный. Боль, жар, слезы и горящие глаза Яна, заставшего их на «месте преступления». ОН ушел из его жизни навсегда. А Мирко захлебнулся в молчаливом презрении брата. Брата, который начал сходить с ума. Чьи глаза преследовали его повсюду. Чей взгляд одновременно ласкал и убивал. Того, кто ненавидел и... хотел. Ян сводил его с ума. Ядом своих слов, откровенностью своих взглядов. Мирко смотрел и не узнавал его. Серьезного, всегда молчаливого брата, которому Мирко верил, как себе, больше не было. А необузданного, одержимого, словно ходящего по лезвию бритвы человека, он не знал. И этот новый Ян ломал стеснительного, растерянного Мирко. Своей страстью, которой не скрывал. Жадными «случайными» прикосновениями, которые отзывались в теле Мирко дрожью и жаром. И однажды... Безумный вечер, безумный Ян, безумный Мирко. Точка невозврата.

Ему не было стыдно. Он не думал, что это противоестественно. Ему было хорошо. До безумия хорошо. Жадные ласки, болезненные и обжигающие поцелуи... Он таял под ними и просил еще. И Ян дарил ему их. Он ласкал его дрожащими руками, вылизывал и кусал его губы. И не мог остановиться.

Их остановила мать, вернувшаяся раньше, чем собиралась. Дальнейшее стало кошмаром. Шок и стыд от содеянного, полные презрения и отрицания глаза родителей и... Ставший стеной на его защиту Ян: «Он не виноват. Я заставил его силой».

А потом Ян ушел. Следующей ночью зашел к Мирко, поцеловал его в последний раз и просто ушел, взяв с собой только документы. И все упоминания о нем стали табу. Мирко метался, сходил с ума, тосковал, чувствовал себя виноватым. А потом сошел с ума вслед за ушедшим, чтобы спасти его, братом. И родился новый Мирко Благоев. Тот, кого мир знал сейчас. Тот, который наконец нашел свою любовь и поверил, что может быть счастливым. Дурак...

- Уходи, Ян, – глухо, почти мертво произнес Мирко, когда перед глазами перестали мелькать картины прошлого. – Что бы ни привело нас тогда к тому, что произошло, сейчас все иначе. Мы выросли, изменились. У нас у каждого своя жизнь... Не лезь в мою.

- Мирко, Мирко... – Янко только покачал головой. – Неужели ты думаешь, что ЭТО можно забыть? Оно будет преследовать тебя. Я буду преследовать тебя.

Глаза Мирко широко распахнулись, и Ян, глухо простонав, качнулся к нему. Сгреб в охапку, сильно прижался к губам, глубоко целуя, а потом оттолкнул:

- Ты еще позовешь меня, – хрипло проговорил он, отступил, лаская взглядом, а затем повернулся спиной. Собрал свою одежду и вышел из комнаты. Мирко медленно выдохнул, прислушиваясь к шороху в коридоре, и вздрогнул, когда хлопнула входная дверь. Обхватил

себя за плечи, шатаясь, дошел до кровати и рухнул на нее, сворачиваясь в клубок. Больно, страшно, невыносимо. Неужели все то, что он так долго строил, ничего не стоит? Неужели ничего не изменилось и на самом деле он грязный, извращенный урод? Нет, нет, не может быть... Ведь он любит! Всем сердцем, всей душой! Светлого, милого, доброго человека, свое солнышко! Любит.

Марин докурил последнюю сигарету из пачки и как раз думал о том, где бы купить следующую, когда заиграл телефон. Узнав мелодию, он подорвался со скамейки и вытащил сотовый:

- Мирко...

- Вернись. Пожалуйста... Ты мне нужен. Ты мне так нужен... Марин, - умоляющий, почти плачущий голос Мирко заставил его сорваться с места и уже набегу проговорить в трубку:

- Я иду.

Мгновенно было забыто все - сигареты, проблемы с родителями, ночной холод. Он бежал по улицам, радуясь тому, что отошел недалеко и дома будет максимум через несколько минут. Поворот, арка, двор, к черту лифт, лестница, этаж и дребезжащие ключи в дрожащих руках. Марин переступил порог, окинул холл внимательным взглядом и выдохнул, заметив, что в шкафу только пальто Мирко.

- Я дома, родной! - Марин поспешно избавился от верхней одежды и обуви, щелкнул выключателем в коридоре и направился в спальню, полагая, что найдет Благоева там. Тот лежал на кровати, глядя прямо перед собой и сжимая телефон.

- Мирко? - тихо, мягко позвал Марин, садясь на краешек постели. Тот вздрогнул и вдруг рванулся к нему, с силой обнимая. Марин еле успел подхватить его и придержать. - Мирко...

- Я люблю тебя, слышишь? - Мирко прижимался все сильнее, шептал быстро, горячо, проглатывая окончания. - Люблю, люблю, люблю. Больше жизни. Я все сделаю ради тебя. Только не оставляй, не бросай. Марин... Я не выживу без тебя, - Мирко начало трясти, и Марин мягко, но решительно оторвал его от себя. Уложил на подушки и устроился рядом, и, успокаивая нежными, невесомыми поцелуями, зашептал:

- Тихо, тише... Я никогда не оставлю тебя. Хороший мой, любимый мой. Я здесь, я рядом. Мирко... - Марин согревал своим дыханием прохладную кожу, ласкал скулы и губы, перебирал длинные пряди. И пальцы Мирко, вцепившиеся в его рубашку, расслабились, и дрожь ушла. - Что случилось?

Мирко на мгновение снова напрягся, а потом выдохнул, слабо улыбаясь:

- Всего лишь мое прошлое. Прости, если напугал тебя. Но мне нужно было почувствовать тебя рядом.

- Я здесь, - Марин сжал его пальцы, поднося их к губам и целуя.

- Спасибо, - Мирко приник к нему, пряча лицо на его груди.

- И куда не уйду, - Марин обнял его, прижавшись щекой к макушке. - Что за глупые мысли? Это он сказал тебе что-то такое, что ты так сильно расстроился?

- Нет. Он ничего не говорил про тебя. Это... другое.

Марин прикусил губу, глядя за окно. Мирко не хочет ничего говорить. И настаивать нет смысла. Зная его упрямство... Может, позже Мирко сам все расскажет. А сейчас... Они просто полежат в объятиях друг друга.

==== Часть 2 =====

6.

Марину казалось, что он спит и ему снится кошмарный сон. В нем не было чудовищ, монстров, стихийных бедствий и убийств. Была стена. Невидимая. Она окружала не его. Она выростала вокруг Мирко. И с каждым часом становилась все плотнее, крепче, выше. Марин с яростью загнанного в клетку хищника раз за разом бросался на нее, но... Бесполезно. И тогда он замирал, застывал и смотрел, смотрел на Мирко, который был внутри этой ловушки. И который не видел и не слышал его, Марина.

Первым кирпичом стали цветы. Роскошные, безумно дорогие розы, похожие на растекшиеся капли крови... Их принес посыльный однажды вечером «для Мирко». Марин фыркнул, собираясь пошутить по поводу очередного тайного поклонника, но Мирко, до этого молчавший, вдруг сорвался с места. Размытой тенью долетел до мусоропровода и выкинул букет, с остервенением ломая длинные стебли и срывая нежные бутоны. И Марину стало страшно. Потому что такого Мирко он не знал. Его нежный, ранимый, сходящий с ума от красоты любимый не мог быть тем безумцем, который бесновался там, у подножий лестницы. А потом... Когда с розами было покончено, Мирко повернулся, с секунду всматривался в полные ужаса и непонимания глаза Марина, а затем опустил голову и молча ушел.

Его не было час. Без телефона, пальто, денег и ключей – все это время он шатался по улице, пока Марин в квартире сходил с ума от страха за него. Желание бежать на поиски останавливала только мысль о том, что Мирко может вернуться к закрытой двери. А когда страх и беспокойство переросли в ужас, он не выдержал. Не заперев дверь, он вылетел на улицу, еще не зная, куда пойдет, но уже решив, что без Благоева домой не вернется.

Искать Мирко не пришлось. Когда Марин вышел из-за угла дома, тот сам практически упал ему в объятия. Закоченевший, дрожащий, еле стоящий на ногах и с грязными разводами на лице. До квартиры Марин нес его на руках. Пронзительный осенний ветер обжигал обнаженную кожу плеч и прикрытую только майкой спину, но он даже не замечал этого, следя только за тем, чтобы его куртка, в которую он завернул Мирко, не свисала. Дома... Душ, массаж, горячее вино со специями. А потом нестерпимый жар ласк Мирко, который, отогревшись, набросился на Марина, как голодный зверь. То больно, то нежно целуя, вылизывая, кусая, он не дал Марину даже шанса перехватить инициативу. Оседлал его бедра и с громким болезненным криком опустился на него. Сразу. До конца. Почти на сухую. Из его зажмуренных глаз брызнули слезы, и Марин выгнулся, дернулся вперед в попытке остановить Мирко. Но тот легко, почти играючи опрокинул его обратно на кровать.

Той ночью ощущение кошмара появилось в первый раз.

Потом... Было упрямое молчание Мирко, не желавшего рассказывать, что случилось и почему он перестал подолгу вглядываться в собственное отражение, как раньше. Были еще цветы, которые также безжалостно выкидывались. Была огромная, просто чудовищная боль и вина, которые Марин видел в любимых глазах, но причины которых понять не мог. Мирко с каждым днем все сильнее отдалялся, погружаясь в свой собственный мир, в котором не было его,

Марина. Из их близости ушла нежность, оставив вместо себя болезненную страсть, и Марин, который больше не желал причинять Мирко боль, превратился в «жену, у которой вечно болит голова». И стена вокруг Мирко замкнулась. Замуровала его. И теперь ничто, ни какие попытки Марина не могли ее разрушить. Мирко... Казалось, что ничего не изменилось. Он улыбался, шутил. Но Марин чувствовал пустоту у него внутри. А сегодня... Наблюдая за тем, как Мирко собирается в театр, Марин не выдержал и тихо позвал его:

- Мирк... Ты еще любишь меня?

Зрачки серых глаз словно лизнули языки пламени, ресницы дрогнули, и Марин невольно вжался в стенку спиной, когда на него обрушилось яростное:

- Да! Ты же знаешь, что да! – в этом полупшепоте-полукрике было столько эмоций и жизни, что Марину стало страшно. А все упреки рассыпались на языке, когда к губам прижались губы Мирко, вложившего в этой поцелуй всю свою любовь, все свою страсть.

- Не сомневайся в этом никогда! – когда он закончился, Мирко вцепился в домашнюю майку Марина и хорошенько его встряхнул. – Я всегда буду любить тебя, слышишь? Что бы ни случилось, – он подался вперед, заглядывая, как показалось Марину, в душу, а потом оттолкнул его и вышел, захлопнув за собой дверь. А Марин еще с мгновение смотрела прямо перед собой невидящими глазами, а потом прошептала:

- Что же с тобой происходит, любимый мой...

Сердце ныло с самого утра. Как только он открыл глаза и посмотрел за окно. Темно-серые тучи, сильный, порывистый ветер, ломающий голые ветки деревьев, давно сбросивших свою листву. Грязь, окурки и обрывки газет. И угрюмая серость на лицах прохожих, казавшихся больше тенями, чем людьми из плоти и крови. Чувствуя, как с улицы через несуществующие щели проникает сырость и холод, Марин поежился и отвернулся от окна. Вторая половинка кровати была пуста. И сердце тревожно стукнуло о ребра, а потом несильно, но монотонно мерзко зануло. Марин потер грудь и встал, хмурясь. Предчувствия и интуиция молчали, но сердце...

Но он забыл о нем, когда влился в дела и проблемы нового дня. Завтрак в одиночестве («Я в клинике: забираю свою справку медосмотра для агентства. Хотел тебя вчера предупредить, но забыл. Завтрак на столе, я позвоню. Люблю. Мирко»); сборы, которые в отсутствии Мирко, всегда каким-то чудом знавшего, что и где лежит, затянулись; пробки на дороге... Звонки, смс, родители, дела, что-то сделать, куда-то успеть... Времени на то, чтобы остановиться, просто не было. И приступы усиливающейся боли в сердце были лишь фоном. Марин неосознанно потирал грудь, а потом снова уходил с головой в суету. К вечеру обиженное его невниманием сердце успокоилось. И вновь напомнило о себе, когда вечером в дверь позвонили. Марин, ждавший Мирко с репетиции и куривший у форточки на кухне, только вздрогнул, когда словно эхо дверного звонка, боль волной разлилась по телу. И квартира вдруг показалась чужой, пустой и холодной. Поморщившись от повторного звонка, Марин аккуратно положил в пепельницу недокуренную сигарету, и пошел к двери.

Розы. Снова. Бледно-розовые, бархатные. Как сама нежность. Марин принял цветы, расписался в получении, закрыл дверь и замер, держа букет в руках и размышляя. За последнюю неделю это уже четвертый. И все его предшественники отправлялись в мусоропровод. Без жалости и объяснений, в чем провинились цветы или тот, кто их присылал. Но сейчас Мирко нет. И Марину нужно решить, что делать с цветами. Выкинуть, как и Мирко? Чтобы тот не видел их и

не знал о том, что они были. Или оставить, чтобы потом Мирко выбросил их сам? Марин окинул взглядом букет в своих руках. Красив, строг и роскошен. Как и все остальные до него. Но, кажется, для Мирко они были символом чего-то, отчего надо избавиться сразу и безжалостно. Он никогда не говорил о том, от кого они, но Марин был уверен, что его парень если не знал точно, то предполагал, кто может быть дарителем. Ревности Марин не чувствовал. Лишь легкое недоумение. Последним ярким вторжением в их тихую, счастливую жизнь был Янко. Но после того их разговора с Мирко он как в воду канул. А больше... Большую часть суток, если, конечно, Мирко не был в театре, они проводили вместе. И уж Марин бы точно что-нибудь заметил. Или кого-нибудь. Но... ничего. Тогда от кого букет?

Марин поудобнее перехватил цветы, и пальцы нащупали что-то постороннее. Марин повернул букет, и его глаза расширились. Конверт. Неужели наконец какая-то зацепка? Совершенно не думая о том, что делает что-то не то, Марин вытащил конверт из цветов, а букет положил на тумбочку в прихожей – его судьбу решит Мирко, когда вернется.

Конверт не был запечатан, и Марин без труда вынул исписанный летящим почерком лист бумаги. Пробежался глазами по первым строчкам и...

«Нежный мой... Ты выкидываешь мои цветы. Почему? Они тебе не нравятся? Не верю. Ты всегда умел ценить красоту, а я выбираю тебе только самые лучшие. Для тебя – все только самое прекрасное. Знаешь, я бы хотел уложить тебя на постель, усыпанную розовыми лепестками. Думаю, моя мечта вполне реальна, правда, любимый? В наш первый раз... Жаль, что он получился таким неловким, но тогда нам с тобой было не до окружающей обстановки, – руки Марина затряслись. Дочитав до этого места, он зажмурился, стиснув несчастный лист бумаги и отстранено отмечая, как воет от страшных предчувствий сердце. Хотелось выкинуть, сжечь это письмо. А потом забыть о нем, как о страшном сне. Но ресницы поднялись сами собой, и взгляд уперся в летящие строчки. – Ладно, я не буду об этом вспоминать: это прошлое. А будущее... Нежный мой, ты ведь помнишь, что ты – МОЙ? Не скучай, мы скоро встретимся. Люблю. Янко. P.S. Кстати, я тебе говорил, КАК мне нравится, когда ты зовешь меня Яном?»

Марин дочитал письмо и, скомкав его, сунул в карман. Как в тумане, дошел до кухни, на автомате прикурил. Марин был спокоен, внутри была только пустота. Взгляд скользил по предметам и не узнавал их.

Он... поверил. Каждому написанному слову. Сомнений не было, но укладываться в голове это не желало. Вопросов «как» и «почему» тоже не возникло. Может, позже... Когда пройдет шок. А сейчас...

В замке заскрежетал ключ, щелкнула ручка, и...

- Марин, я до...

Сарницкий опустил голову, чувствуя, как губы сами собой растягиваются в оскале: любимый увидел цветы, лежащие на тумбочке. Что будет дальше? Напряженная тишина, шорох, стук двери, и Марин был готов поклясться, что Мирко снова матерится у мусоропровода, ломая толстые стебли.

Взгляд остановился на недокуренной, но давно потухшей сигарете, и Марин отправил ее в пепельницу. Вытащил из кармана скомканное письмо, тщательно разгладил и когда на пороге кухни показался Мирко, молча протянул его ему, с интересом естествоиспытателя наблюдая за тем, как белеет лицо того и срывается дыхание по мере прочтения.

Письмо с тихим шорохом опустилось на пол, и Марин шевельнулся:

- Что еще я о тебе не знаю? – спокойно, ровно спросил он, и Мирко поднял на него больные, пустые глаза. С секунду всматривался в полные запредельной боли и отчаяния зрачки Марина, а потом отвел взгляд. Сарницкий криво улыбнулся: – И когда это началось?

Мирко упорно не поднимал глаза. Только все сильнее белел и сжимал пальцы в кулак. После вопроса Марина он еле заметно вздрогнул, но ответил. Так же спокойно и ровно:

- Давно. В старших классах школы.

Марин стиснул зубы, переживая приступ боли, а потом хрипло спросил, чувствуя себя мазохистом:

- Что было дальше?

- Нас застукали. Мама. Ян взял всю вину на себя и ушел.

Марин мотнул головой, словно это могло помочь избавиться от полоснувшего по нервам и сердцу имени, так легко сорвавшееся с губ Мирко. «Кстати, я тебе говорил, КАК мне нравится, когда ты зовешь меня Яном?» Марину показалось на миг, что на него смотрит черная, холодная бездна. Что. Дальше?

- Хочешь сказать еще что-нибудь? – он задал этот вопрос только для того, чтобы разбить эту сводящую с ума тишину.

Мирко медленно повернулся к нему, и Марин невольно отшатнулся, увидев огонь вины и запредельного отчаяния, горящий в его глазах. И вдруг все встало на свои места. Изменившееся поведения Мирко, его внезапно проснувшаяся страсть к жесткому сексу, желание все время быть рядом, боль, вина и дикий страх, застывший на дне его зрачков. Прошлое.

- Я... – Мирко облизал пересохшие губы. Ему было трудно говорить, но он упрямо продолжал: – Я хочу, чтобы ты знал две вещи.

Марин вскинул бровь, чувствуя, как где-то внутри зарождается ненависть, изрядно приправленная нотками отвращения. Но Мирко, глаза которого мало напоминали глаза живого человека, кажется, даже и не почувствовал изменение состояния Марина:

- Всего две, Марин. Я никогда по-настоящему не спал с ним. И я люблю тебя.

- Ложь, – не моргнув глазом, Сарницкий отмел первое утверждение, вспомнив слова Янко в письме про «первый раз». А второе... Сейчас почему-то от любви Мирко он сам себе казался грязным.

- Тебе лучше уйти, – глухо, не глядя на Мирко, произнес Марин. Благоев молча развернулся и вышел из комнаты, а спустя несколько секунд захлопнулась дверь. И квартиру медленно, но верно начала наполнять тишина. И пустота. Они расходились концентрическими кругами от ключей, оставленных Мирко на тумбочке, ползли по стенам, перебирались через пороги, холодили тело и порождали странные изломанные тени. А потом вдруг все исчезло.

От нечеловеческого воя, полного тоски и боли, в окнах задребезжали стекла.

Вот и все. ВСЕ. Он потерял все, что у него было. Страшная расплата за страшный грех. И винить некого, кроме себя.

Улицы пусты.

И под ногами только серость.

Углы, повороты. Дом, подъезд. Ключи и его старая маленькая квартирка.

Он оставил пальто там, где оно соскользнуло на пол с его плеч, и прошел в комнату. В голове пусто. В сердце пусто. И ощущение кошмара. Непробиваемая, прозрачная стена. И сил бороться больше нет. Да и нужно ли теперь? Нет. Его мир не разбился. Он изменился. И теперь не только напоминал вечную мерзлоту, но и был ею. Только лед и он.

Звонок пробивался, как сквозь слой ваты. Он раздражал, порождал эхо. И только поэтому Мирко сполз с кресла и дошел до двери. Переступил через валяющееся пальто, щелкнул замком и, даже не взглянув на гостя, вернулся в комнату. Больше ничего не раздражало. Не смущало его покой.

- Ребенок... - на плечо легла теплая рука, и Мирко медленно поднял взгляд. Заглянул в свои собственные глаза, а потом опустил ресницы. Смотреть на собственный грех было даже... смешно.

- Что ты здесь делаешь? - на самом деле ему даже не интересно.

- Тебе плохо, - Янко пожал плечами. - Где я еще могу быть?

- И что дальше?

- Жить.

Мирко отвернулся, а Янко осторожно обнял его за плечи:

- Ты же знаешь, что я всегда буду рядом. Как твое отражение.

Мирко обреченно выдохнул. Все правильно. Они - зеркала.

Зеркала.

7.

«Я люблю тебя, слышишь? Люблю, люблю, люблю. Больше жизни. Я все сделаю ради тебя. Только не оставляй, не бросай. Марин... Я не выживу без тебя».

Марин мотнул головой, пытаясь избавиться от звучащего внутри черепа голоса Мирко. Умоляющего. Почти плачущего.

«Я всегда буду любить тебя, слышишь? Чтобы не случилось».

Марин стиснул зубы и резко перевернулся на живот, гася в подушке полный боли и отчаяния стон. Днем... Еще можно было спрятаться. Ночь его медленно, но неумолимо убивала. Он не помнил, не знал, сколько времени прошло с того вечера, как ушел Мирко. Эти дни растянулись, слились в один. В бесконечный, раз за разом повторяющийся «день сурка». Дождь или солнце, промозглое утро или теплый вечер - он не различал ничего. Внутри него время словно остановилось на той минуте, когда Мирко закрыл за собой дверь.

Сначала Марину казалось, что ничего не произошло. Что он живет во сне и вот-вот проснется. А когда однажды ночью все-таки проснулся с отчаянным криком, и его не обняли, как обычно, теплые, заботливые руки Мирко... За оставшиеся до утра часы он выкурил полную пачку сигарет, сидя на кухне и бездумно глядя сначала на темное, ночное небо, а потом и на занимающийся рассвет. Душа, разум, сердце... Он словно распался на отдельные составляющие. Рассудок не мог и не хотел понимать. Сердцу было все равно: оно любило и без ответной любви заходило криком. Душа... Марину казалось, что он лишился ее. Что она вьется вокруг него, мечется, как неприкаянная душа проклятого. И вернуться не может, и покидать не хочет.

Он пытался выпить. И в компании, и в одиночестве. Но, словно в наказание, от алкоголя память только прояснялась, и после трех попыток Марин заперся в квартире. А там... были вещи Мирко. Марин то порывался выбросить их, то со стоном зарывался лицом в найденную в глубине шкафа майку, которая еще пахла ИМ. Неуловимая сладко-конфетная нотка «Тик-така», табак и непередаваемый запах кожи Мирко. пытка. Наказание. Спасение.

А жизнь шла своим чередом. Дни, ночи, дела, родители, учеба. Только Мирко в ней не было. С того вечера они не виделись ни разу: в агентстве случился какой-то аврал с новоявленной «звездочкой» и переносом начала съемок, и про них словно забыли, отправив в короткий отпуск. Сначала Марин даже вздохнул с облегчением, так как не был готов к встрече с Мирко. Но потом сердце начало словно расплываться на клочки, лохмотья. А перед глазами стояло лицо Мирко – белое, мертвое. И отчаянный, умоляющий взгляд.

Как он? Что с ним? Тревога и страх за раненого Мирко затмевали все. И стало вдруг плевать, что произошло. На цветы, письмо, Янко. Слово жизнь разделалась на сон и явь. И именно там, во сне был тот страшный вечер. А здесь, наяву... Марин вдруг понял, что он хочет быть рядом с Мирко. Как раньше. И что ему все равно, что тот сделал когда-то. Он. Просто. Хочет. Быть. Рядом. С Мирко. Любить и чувствовать его любовь.

И когда от тревоги, одиночества и страха он был готов лезть на стены своей ставшей пустой квартиры, Марин сорвался. Дороги он не видел. Светофоры, переходы, повороты сливались для него в одно сплошное пятно. Но ангел хранил его, и до дома Мирко он добрался без проблем. Вывернул из-за угла, вылетел из машины, вскинул голову, на автомате ища окна Мирко, и застыл. Два темных, «зеркальных» силуэта. Близко, так близко друг к другу. На расстоянии вдоха. И рука одного в длинных волосах другого. Ласкает, гладит.

Марин медленно опустил голову, скользнул безразличным взглядом по двору, а потом сел в машину. Что было дальше, он не помнил. Кажется, он просто катался по городу, глядя абсолютно пустым взглядом на дорогу. Кажется, он мечтал о том, чтобы заплакать, потому что глаза жгло просто невыносимо. И, кажется, слезы так и не появились.

Потом... А не было ничего потом. Моменты безудержного веселья сменялись черной меланхолией. Днем он смеялся, шутил, разговаривал, а ночью выл и глушил болезненные стоны в подушке. Он был готов разорвать грудную клетку и вырвать собственное сердце. А под утро забывался тяжелым сном, в котором они снова были вместе.

И сегодня он снова не мог заснуть. Марин отсчитывал невыносимо медленно текущие секунды и уже даже не пытался избавиться от звучащего в голове голоса Мирко, который раз за разом признавался ему в любви, медленно убивая.

«Я люблю тебя, слышишь? Люблю, люблю, люблю»...

Марин медленно закрыл глаза, отчаянно шепча в темноту спальни:

- Я люблю тебя... Люблю, люблю, люблю... ЛЮБЛЮ! – крик отразился от стен, потолка и упал на Марину телефонным звонком. Сначала он даже не понял, что это. А потом вскочил с кровати и заметался по комнате, ища телефон и боясь даже надеяться на то, что Мирко вдруг понадобилась его помощь.

Когда сотовый нашелся, Марину показалось, что разочарование выжгло в нем клочки надежды, которые у него еще остались.

- Да?

- Утром чтобы был у меня, – агент чуть ли не рычал. И ему явно было плевать, что уже полночь.
- И мне все равно, где ты сейчас находишься.

- Что случилось? – сердце гулко стукнулось о ребра.

- Мирко... – тихо выдохнул Костя, словно из него выпустили воздух, и Марин застыл на месте, глядя прямо перед собой невидящими глазами.

- Я... могу приехать сейчас.

- Приезжай, – бросил Костя и отключился. И Марин заметался по квартире, собираясь и запрещая думать о том, что могло случиться. Ключи, дверь, подъезд, машина, дорога. Агент, похоже, ждал его, раз все еще не покинул офис, несмотря на почти ночь.

- Проходи, – сухо произнес он, блеснув стеклами очков. Марин закрыл дверь и сел в кресло, повинувшись повелительному кивку Константина и, стараясь подавить волнение, приготовился слушать. Константина тяжело опустился в кресло по другую сторону стола, снял очки, усталым жестом потирая переносицу, а потом вдруг произнес:

- Не так давно у меня был Мирко. Он сказал, что уходит из агентства. Разрывает контракт со студией и уходит.

Марину показалось, что он снова проваливается в кошмарный сон. Уходит? Мирко? Но... как же так? Марин мотнул головой, когда вдруг зашипало в носу, а глаза запекло. Больно...

- А час назад мне звонил Богдан. Он рассказал, что Мирко заявился в театр перед самым закрытием, устроил омерзительный скандал, перессорившись со всеми актерами и руководством.

- И... что? – помертвевшими губами спросил Марин.

- Его уволили. Богдан сказал, что Благовоев фактически не оставил ему другого выхода, – Костя водрузил очки на их законное место и поднял взгляд на Марину. – И теперь я хочу знать, что происходит.

Взгляд Марина заскользил по обстановке, не видя ее. Шок прошел. Его сменило недоверие. Если по отношению к агентству Марин мог понять поведение Мирко, то театр... Нет. Мирко жил и грезил им. Играл, учил, совершенствовался и был вечно недоволен своей работой. И больше всего на свете боялся однажды оказаться выкинутым. Он не мог уйти сам. Просто не мог! Это был бы уже не Мирко!

От пришедшей вдруг в голову мысли Марин застыл. А потом поднял на Константина остекленевшие глаза, заставив того отшатнуться.

- Марин?..

- При разговоре с Мирко вы не заметили ничего необычного в нем?

- О чем ты? – Костя нахмурился.

- Поведение, жесты, голос – что угодно, – Марин сжал кулаки, чтобы успокоить начавшие дрожать пальцы. – Что-нибудь НЕ Мирко.

Константин нахмурился еще больше, но задумался, вспоминая. Спустя долгую минуту он недоуменно произнес:

- Он старался держать в тени и вообще подальше от меня. И когда я попытался к нему подойти, шарахнулся от меня так, словно я прокаженный. А еще постоянно прикрывал рот рукой.

- У него нет шрама на губе, – глухо произнес Марин. – И он не хотел, чтобы вы это заметили. Заметили, что он – НЕ Мирко.

На лице Константин отразилась тревога:

- Ребенок, что за чушь ты несешь? Ты не заболел?

Но Марин только отмахнулся:

- Это не Мирко. Это Янко, его брат-близнец.

- У Мирко нет братьев, – агент смотрел на него так, словно прикидывал, стоит ли вызвать «Скорую» или отвезти Марина в больницу самому.

- Я тоже так думал, – Марин оскалился. – Но, как оказалось, есть. Янко Благоев. Тот самый Янко Спевач, о котором Мирко писал свои романы.

- Почему я об этом ничего не знаю? – Константин был в шоке. А еще начал злиться. – Хочешь сказать, что и в театре этот... Янко развлекался?

От еще одной пришедшей в голову догадки Марина перекосило. Он вскочил, уже не обращая внимания на требовательный и немного изумленный взгляд Константина, и рванул к двери, крича уже на ходу:

- Я все улажу!

- Марин!! – Константин кинулся следом, но дверь уже закрылась за спиной Сарницкого.

- Мальчишка! – агент собирался припечатать обоих своих подопечных чем-нибудь заковыристым, но вспомнил дикие глаза Марина, на дне которых горела бешеная надежда, и только выдохнул: – Удачи...

8.

- Мирк, пора спать, – Янко появился в проеме двери. Мирко с сожалением покосился на пустую

пачку из-под сигарет и поднялся. Время было позднее, но в соседнем доме работал круглосуточный магазинчик. В последнее время почему-то в голове держались только такие мелочи. Но даже им он был рад. Они заполняли пустоту.

- Мирко? – Янко подошел вплотную, пытаясь заглянуть в глаза.

- Я хочу курить, – ровно ответил тот, не пытаясь ни отодвинуться, ни встать ближе. В последнее время... Ему стало все равно. Янко все время был рядом, но все чаще Мирко смотрел на него только как на свое отражение. Обнажившее всю его сущность. Темную. Мерзкую.

- Ты слишком много куришь, – голос Янко (или его собственный?) ничего не всколыхнул в нем.
- Мирко, уже поздно.

- Я. Хочу. Курить, – тот повел плечами, словно сбрасывая с себя этот голос. Отступил, обошел застывшего брата и направился в спальню, чтобы переодеться.

- Мирко!! – локти безжалостно сжали сильные пальцы. – Очнись! На улице почти два часа ночи!

- Почему ты здесь? – Мирко вдруг застыл, глядя прямо перед собой. – Я не звал тебя.

Янко медленно выдохнул, а потом качнулся вперед, зарываясь лицом в его волосы на затылке:

- Я люблю тебя. Я твой брат. И буду рядом. Всегда. Я – это все, что у тебя есть.

Мирко опустил ресницы, и под веками вспыхнули голубым огнем любимые глаза, глаза Марина. Пустые, мертвые. Такие, какими он видел их в последний раз. Мирко выдохнул и резко развернулся, заглядывая в лицо своему отражению. Серые глаза смотрели на него прямо, с голодной страстью, а в чуть расширенных зрачках клубилась тьма. Смотреть в ее глубину было страшно. Но оторваться... Невозможно. И это он. Болен. Сошел с ума. Эта тьма – он. Янко – всего лишь его отражение.

Мирко медленно выдохнул и, развернувшись, вышел из комнаты, чувствуя спиной тяжелый взгляд Янко. В голове снова не было ни одной мысли.

Сигареты. Ему нужны сигареты.

Дорога сама стелилась под колеса. Марин на автомате поворачивал в нужных местах, останавливался на светофорах, но все это руки делали сами. Голова...

Янко. Это он был у агента и приходил в театр. И это из-за него Мирко лишился всего, что было смыслом его жизни. Но зачем?! Мечь? За что? В памяти всплыло письмо, и Марин резко нажал на тормоза, опасаясь, что не сможет справиться с управлением. «Нежный мой... Знаешь, я бы хотел уложить тебя на постель, усыпанную розовыми лепестками. Думаю, моя мечта вполне реальна, правда, любимый?» Марин с силой прикусил губу и мотнул головой. Нет, нет, НЕТ! Почему он не подумал об этом раньше?! Янко... Он одержим! Ведь когда-то...

Запрещая себе додумывать эту мысль до конца, Марин стиснул зубы и нажал на газ. Он не будет гадать. Он просто поедет и заберет Мирко обратно. А та сцена у окна его квартиры, которую он наблюдал... Ничего не значит. Мирко остался один. А он не может быть один. И Янко наверняка этим воспользовался. Да, лучше думать об этом, чем о том, что Мирко сам решил вернуться к... тем отношениям, от мысли о которых Марина начинало трясти. Как-то он даже попытался представить себе это. И испугался той реакции, которую вызвала у него яркая

картинка двух парней - точных отражений друг друга. Это... было красиво. Странно. Дико. Возбуждающе.

Марин выдохнул и вывернул во двор дома Мирко. Он припарковался у подъезда, автоматически отметил, что, ни смотря на поздний час, в окнах квартиры Мирко горит свет, и решительно поднялся по ступенькам. Комбинацию кодового замка двери подъезда он помнил наизусть и вошел в дом без проблем. Решил не ждать лифт, который к тому же поехал вдруг вверх, словно его кто-то вызвал и неторопливо - чтобы не запыхаться - зашагал по лестнице. Когда он уже почти добрался до нужного этажа, внизу грохнула, закрываясь, дверь подъезда. Марин вздрогнул и, преодолев последние ступени, остановился, рассматривая стоящие на площадке комнатные растения в горшочках. Они были здесь всегда, сколько он помнил. Менялось лишь их количество. Выдохнув, как перед погружением в прорубь, Марин дошел до двери квартиры Мирко и нажал на звонок. У него остались ключи, но о том, чтобы воспользоваться ими, он даже не подумал: расставшись с Мирко, он просто потерял на это право.

Дверь распахнулась почти сразу, и Марин только усмехнулся растерянному выражению, застывшему на лице... Янко. На этот раз Марину хватило одного быстрого взгляда, чтобы узнать его. И ничего внутри не дрогнуло, когда он заглянул Янко в глаза: для Марина этот человек не был Мирко, несмотря на всю их внешнюю схожесть.

- Ты? - Янко пришел в себя быстро, но справиться со своим лицом не смог, и Марин только усмехнулся, почти любуясь его растерянностью и паникой, отразившейся на нем.

- Не ждал? - он без приглашения зашел в квартиру, бесцеремонно отодвигая Янко плечом. - Мне нужен Мирко.

- Его нет, - отрезал Янко, и Марин почему-то ему поверил. Он... не чувствовал Мирко.

- Хочешь сказать, что он где-то шатается по улицам в ЭТО время? - за одно это Марин был готов свернуть Янко шею. Неужели этот тип не понимает, что это слишком опасно?

- Он вышел только что: у него кончились сигареты, - нехотя произнес Янко, и Марин только выматерился про себя, когда до него дошло, что он мог встретиться с Мирко в подъезде.

- Я подожду, - он прислонился к стене, всем своим видом показывая, что готов стоять так сколько понадобится. - Почему ТЫ не пошел за сигаретами? Настолько не дорожишь им?

- И не мечтай! - огрызнулся Янко. - Он захотел прогуляться. И не мне тебе говорить, каким он может быть упрямым.

По губам Марина скользнула нежная улыбка. О, да, об упрямстве Мирко он знал не понаслышке. Янко поморщился, наблюдая за ним:

- Что тебе нужно?

- Спросить, в курсе ли он, что ты сегодня лишил его всего, что у него было.

- У него есть я.

Марин только сжал кулаки: категоричный тон Янко вызвал сильнейшее желание врезать по странно улыбающейся физиономии.

- Ты действительно не понимаешь, что сделал? Или тебе настолько все равно, что с ним будет?

- Я хочу, чтобы он принадлежал ТОЛЬКО мне, – Янко склонил голову к плечу, холодно глядя на Марина. – А кино и театр могли отнять его у меня. Поэтому их в его, НАШЕЙ жизни больше не будет.

От мгновенно пробудившейся ярости Марина бросило в жар:

- А его ты спросил?! Чего хочет ОН?! Ты хочешь, чтобы он сошел с ума?!

- Он привыкнет. Я увезу его далеко от тебя и этой жизни. И да, – губы Янко раздвинулись в почти-оскале, – я хочу, чтобы он сошел с ума. Быть сумасшедшим в одиночку не интересно.

Марин отшатнулся:

- Ты... Ты – одержимый извращенец!! Псих!

Янко криво улыбнулся, белея на глазах, а потом произнес севшим от ярости голосом:

- Что ты знаешь об одержимости?! Это не ты смотрел на своего брата и умирал от желания попробовать на вкус его губы. Это не ты... Не ты был готов на все, только бы тебя оставило твое чувство. Это не ты ненавидел его. Это не ты мечтал уничтожить его, только чтобы он не тревожил твою душу. Не ты влюблялся в своего брата, не ты хотел его. Не ты думал, что проклят, и любовь твоя запретна. Не ты боролся с собой. Каждый день, каждую минуту. И не ты однажды проиграл, увидев, как он стонет и выгибается под парнем, которому ты не позволил бы коснуться даже носков его ботинок! Не ты, понимаешь?! НЕ ТЫ!!

Крик отразился от стен и ударил Марина так, что он захлебнулся воздухом. Сознание отметило какой-то шум, а потом Янко вдруг оказался на расстоянии вдоха. Обжег бешеным, ненавидящим взглядом и прижался к приоткрытым губам, сразу вламываясь языком в рот, целуя глубоко и жестко. Марин сжал его плечи в попытке оттолкнуть, но Янко вдруг отстранился сам. Марин услышал тихий, судорожный выдох, повернулся на звук и застыл, глядя в глаза Мирко, стоящего на пороге. Любимые, самые красивые. Тускнеющие. Умирующие. А в следующую секунду за Мирко закрылась дверь. Марин с мгновение смотрел на то, место, где стоял его любимый, а потом рванулся за ним.

Рывок в плечо, удар о стену. А следом – обжигающий холод проникающего в тело металла. И снова. И снова. Марин захрипел, дернулся, но сознание уже тонуло в накрывшей с головой волной ослепляющей боли в груди. Он пошатнулся, Янко подхватил его и опустил на пол. Поднес к глазам испачканную в чем-то красном руку, и улыбнулся:

- Наверное, мне стоит извиниться. Но я не буду. Мне ПРИШЛОСЬ это сделать. Он – МОЙ. Один раз я уже потерял его. Больше этого не повторится. Тебе не разлучить нас. Ни тебе, ни кому-нибудь еще. И да, я – псих. Я одержимый, – Янко присел перед Марином на корточки и вытер руку о его рубашку. – Он не будет долго тосковать по тебе: я об этом позабочусь. Как и о том, чтобы он был счастлив, – Янко улыбнулся и потянулся к лицу Марина. Пальцы коснулись век, опуская их, закрывая глаза и погружая его в темноту. – Спи спокойно, Марин. Думаю, тебе разрешат стать его ангелом-хранителем, – смех сумасшедшего был последним, что Марин слышал прежде, чем погрузиться в абсолютную темноту.

9.

Холод. Пустота. Кровь превратилась в боль. Растеклась по телу. И остановила сердце.

Ярость. Дрожь. Любовь. Желание. И одна мысль, мечущаяся в черепной коробке. МОЙ! Мой.

Крыша. Огни ночного города. Раскинуть руки, шагнуть вперед и взлететь. Туда, где он снова сможет жить.

Осколки, телевизионные антенны. И тонкая, напряженная фигурка, замершая на краю. Над самой бездной.

Шаг. Всего лишь шаг. Последний вдох и...

Рвануть на себя, сжать, тряхнуть. Так, чтобы мотнулся в руках беспомощной куклой.

- Отпусти! – крикнуть отчаянно, громко.

- Тшш, успокойся, маленький, – обнять, зарыться в волосы, перебирая пряди.

- Отпусти... – выдох обреченного. А секунду спустя – вопрос: – Зачем он пришел?

- Сказать, что тебя выкинули из фильма, – ни капли сомнения, талантливая ложь.

Замереть. И погаснуть, похоронив последнюю надежду.

- Мирко?.. – заглянуть в глаза, а потом целовать до умопомрачения, до боли в губах. – Я здесь, я с тобой. Я тебя никогда не оставлю.

Молчать, чувствуя, как ласкают лицо чужие губы. Вздрагивать от жадных касаний рук. И думать о том, что ОН – единственное, что у него осталось.

Сладкие губы, покорное гибкое тело. Все то, о чем он грезил. О чем мечтал. Мирко. Любимый. Желанный. В его руках.

Повинуясь давлению пальцев, откинуть голову, открывая шею для обжигających поцелуев. Холодно.

- Хочу, – выдохнуть прямо в припухшие губы. Дрожащие руки, боль желания. Но ОН достоин лучшего, чем грязная крыша.

Запястье в стальном захвате, рывок, за спиной захлопывается дверь на крышу. Сознание как в тумане.

Ступеньки, ступеньки, ступеньки. Не запертая дверь квартиры.

Порог, прихожая.

Марин.

Кровь.

Темнота перед глазами. И сразу следом – яркая огненная вспышка. И тумана в мыслях больше нет.

- Марин?.. Марин, вставай, – растерянно произнес Мирко, шагнув к лежащему на полу в

прихожей парню. – Ты замерзнешь, – взгляд скользнул по закрытым глазам, опустился ниже и застыл, словно споткнувшись на трех рваных дырах в рубашке и безобразном красном пятне. – Марин... Ты испачкался. И порвал рубашку, – Мирко протянул руку вперед, но ее перехватили. Чужие пальцы сжали запястье, рванули вверх и в сторону, а в следующую секунду Мирко оказался притиснутым к сильному, дрожащему телу.

- Нежный мой... – по щеке ласково пробежались кончики пальцев. – Не беспокойся о нем. Сейчас ему хорошо. А нам больше никто не помешает.

Мирко несколько секунд всматривался в серо-зеленые глаза, горящие лихорадочным блеском, а потом, чувствуя, как останавливается сердце, спокойно спросил:

- Ты убил его?

Янко поморщился и отступил:

- Я всего лишь сделал то, что должен был. Он не простил тебя. И пришел сюда только для того, чтобы сказать, что больше не хочет тебя видеть.

Мирко отвел глаза, а потом развернулся и опустился на колени рядом с Марином. Странно, но он никак не мог увидеть его целиком. Только фрагменты. Белое лицо, закрытые глаза, стиснутые в полоску губы. Следы крови на порванной рубашке и белоснежной майке. Мирко отвернулся, и взгляд зацепился за что-то тускло светящееся.

- Хватит, оставь его, – на пол рядом упала тень. – У нас есть дело поинтереснее.

Звучащую в голосе Янко страсть Мирко отметил лишь краем угасающего сознания. И снова потянулся к Марину. Коснуться, провести ладонью по щеке. Разбудить поцелуем, как раньше.

- Он мертв, – Янко потянулся к лежащему Марину, и Мирко взмыл вверх.

- Не трогай его!! – широкое лезвие ножа, словно само прыгнувшего в руку, легко вошло в тело по самую рукоятку. Янко отшатнулся, медленно опустил голову и коснулся пальцем расплывающегося по майке пятна, в центре которого торчал нож. Мирко безразлично встретил его шокированный, неверящий взгляд, а потом вернулся к Марину. Погладил по щеке, лег рядом прямо на пол и, положив голову на его плечо и сжав своими пальцами его пальцы, затих.

И уже не слышал, как рухнул за его спиной Янко. Не видел, как потянулась к нему его рука. Сознания коснулось только тихое:

- Прости...

Эпилог

Крупные хлопья снега ложились на только-только почищенные дорожки. Марин припарковался на стоянке у крыльца и, стараясь не делать резких движений – затянувшиеся на груди раны еще давали о себе знать – потянулся к букету белоснежных лилий, лежащему на пассажирском кресле. Аккуратно поправил прозрачную и простую оберточную бумагу и вышел из машины. Окинул взглядом занесенный снегом парк и грустно улыбнулся: в последнее время в его жизни слишком много белого цвета. Но еще несколько минут и его мир заполнят серо-зеленые глаза Мирко. Стараясь думать только об этом, Марин встряхнулся и неторопливо поднялся на крыльцо больницы.

Растянутые в бесконечность минуты ожидания, и перед ним коридор. Белый. Тридцать шагов вперед, простая деревянная ручка двери, и взгляд сам собой нашел тонкую фигуру стоящего у окна парня. ЕГО парня. Марин переступил порог, закрыл за собой дверь и, оставив цветы на тумбочке у постели, прошел вперед. Коснулся кончиками пальцев гладких волос на затылке, а потом молча прижался к спине смотрящего куда-то вдаль Мирко. Пару минут просто впитывал его тепло, зарывшись лицом в шею, а затем тихо произнес:

- Я здесь, родной.

Мирко выдохнул, и Марин продолжил, даже не пытаясь развернуть его к себе лицом, чтобы заглянуть в глаза, которые сняты ему вот уже который месяц:

- Я так скучаю... И так тебя жду. Когда же ты вернешься, хороший мой? А, знаешь, я вчера стал дядей. У Дары родилась дочка, и я был в больнице. Хотел купить ребенку в подарок погремушку, но когда зашел в «Детский мир», так и не смог ничего выбрать. Представляешь, стоял там и смотрел, как дурак на все эти игрушки. И думал о том, что снова хочу быть маленьким...

Он говорил и говорил, вываливая на так и не пошевелившегося в его руках Мирко новости прошедшего дня и свои чувства. Только бы не думать. Не думать о том, что этот день он прожил без НЕГО. Снова. Без его голоса. Рук, губ. Без его любви.

Словно захлебнувшись воздухом, Марин замолчал на полуслове, а потом, чувствуя, что больше не в состоянии держать все это в себе, уткнулся носом в плечо облаченного в больничную пижаму Мирко и коротко всхлипнул. Как же он устал... Устал быть без него. Все это время...

...В больнице Мирко был рядом. Когда бы Марин не открывал глаза, он неизменно видел перед собой его лицо. Уставшее, бледное, красивое. Любимое и родное. Секунда на прямой взгляд в душу, и Марин снова засыпал, успокоенный. Раны на груди затягивались быстро, но началась нервотрепка с правоохранительными органами. Ранение, нанесенное Мирко, оказалось для Янко смертельным. И на Мирко повесили обвинение в убийстве. Марин сходил с ума от страха за него, отец сделал все, что только мог, чтобы Благоева не посадили под арест, но самого Мирко, казалось, это нисколько не волновало. Он честно рассказал, как ранил Янко, а потом словно ушел в свой собственный мир. Мир, в котором был только Марин. Казалось, что для Мирко не было ничего важнее его самочувствия и здоровья. Он скользил по палате бесшумной тенью, приносил фрукты, поправлял постель, доставал врачей вопросами, а потом приходил, осторожно садился на край больничной кровати, брал Марина за руку и замолкал, глядя куда-то за окно. А Марин был так счастлив, что он снова рядом, что даже не замечал, как изменился Мирко.

Обвинение сняли и дело представили как «несчастный случай при самообороне» в тот же день, когда Марина выписали наконец из больницы. Бинты с торса еще не сняли, но он уже мог относительно нормально двигаться. Мирко со всей возможной осторожностью доставил Марина домой, и тот первый раз заметил неладное. Все зеркала в квартире, кроме маленького в ванной комнате и большого, висящего на внутренней стороне дверцы шкафа, были завешаны. Марин почему-то решил, что это из-за смерти Янко. Но дни шли, а зеркала по-прежнему оставались занавешенными. Он хотел спросить у Мирко, но... не успел. Тот замолчал. И с каждой секундой все больше погружался в какой-то свой собственный мир. Мир, в котором Марин чувствовал себя лишь тенью. Которой дорожат и которую любят, но все-таки тенью. Это... Не было больно. Это было страшно. Все попытки разговорить его закончились ничем.

А потом, как только Марин начал свободно передвигаться по квартире, Мирко ушел. Собрал все самое необходимое, коротко погладил Марину по щеке и ушел. В частную больницу, в которой пациенты восстанавливались или пряталась от мира после пережитых потрясений. Жил, ел, спал, иногда гулял. И молчал, молчал, молчал. Врачи, которым Марин рассказал ВСЮ правду, только разводили руками и строили предположения. Но все сходилось в одном – Мирко винит во всем произошедшем себя. И в ранении Марина. И в смерти Янко. И в одержимости брата. А еще боится найти в себе своего близнеца, оказаться таким же, как он. И поэтому не может смотреть в зеркало. А его молчание... Всего лишь попытка полной изоляции. «Терпение, молодой человек, – Марин только скрипел зубами, слыша очередную «лекцию» врача. – Здесь мы все бессильны. Он должен справиться с этим сам. Но вы должны быть рядом. Он должен знать, что он не один».

И Марин был. Он приезжал каждый день, в каком бы состоянии не находился и каким бы усталым не был. Приносил цветы или фрукты, рассказывал Мирко новости «большого мира», иногда выходил с ним на прогулку. Улыбался, шутил, задавал Мирко вопросы и сам же на них отвечал. Был для него целым миром.

Но сегодня...

Марин втянул сквозь стиснутые зубы воздух, глотая слезы. Это... просто минутная слабость. Просто он устал. Просто было больно. Просто он слишком сильно любит.

Глаза снова запекло, и Марин с силой сжал руками талию Мирко, отчаянно шепча:

- Прости... Прости! Если бы я не оставил тебя тогда один на один с ним... Если бы был рядом... Прости. Я... – слова замерли на языке, когда он почувствовал легкое касание к костяшкам пальцев. А потом еще раз и еще. Марин ослабил объятие, и Мирко вдруг повернулся к нему лицом. Молча потерся щекой о плечо, а потом потянулся к губам. Марин застыл под этим нежным, почти целомудренным поцелуем. Первым за все это долгое время. Поцелуем, который закончился слишком быстро. Мирко отстранился, поднял голову, и Марин утонул в его глазах. Живых. Сияющих. Не отдавая себе отчета в том, что делает, он поднял руку и, нежно лаская лицо Мирко, зашептал, как в бреду, торопясь донести до его сознания свои слова:

- Я люблю тебя. Хороший мой, родной мой. Самый любимый. Единственный. Я любил и люблю только тебя. Каким бы ты ни был. Чтобы ни сделал. Я всегда буду рядом. Слышишь, всегда. Всегда буду любить тебя.

Он замолчал, смотря на Мирко беспомощно и беззащитно, а тот, глядя ему прямо в глаза, вдруг задумчиво произнес:

- Почему я вижу в твоих глазах только свое отражение? И там совсем нет ЕГО. Куда он делся? Я не хочу, чтобы он снова появлялся: он причинил тебе боль. Я вижу его в зеркале. Но в твоих глазах его нет, – Мирко разговаривал словно сам с собой, но от одного звука его голоса Марина бросило в дрожь. А потом он тихо сказал:

- Потому что ты – это ты. Не он, не кто-либо другой, а Ты. Тот, кого я люблю, – губы задрожали.
- А он... Его нет. Он ушел. Наконец-то стал свободным от всего. И больше не вернется.

- Обещаешь? – тихо-тихо спросил Мирко.

- Обещаю, – выдохнул Марин и чуть не расплакался, когда увидел, как от его слов покрывается трещинами и рушится непонятный и страшный мир Мирко, в котором тот пробыл все это время. А потом Мирко прижался к нему, и все мысли вылетели из головы Марина. Жаркий,

неистовый и болезненный поцелуй, и Марин решил, что продаст душу самому дьяволу, если это потребуется ради него, ради Мирко.

Любимого, который, перестав терзать его губы, тихо выдохнул, обжигая своим дыханием:

- Я хочу домой.

P.S.

Языки пламени лизали бумагу, исписанную красивым, летящим почерком. Голубоглазый молодой человек сидел на полу перед камином и скармливал огню листы, которые методично вырывал из толстого ежедневника в красном, потрепанном переплете.

Он нашел его случайно в квартире своего любимого. И теперь торопился избавиться от следов чужой, тяжелой, безумной страсти, которая – как ему казалось – кричала, умирая в огне.

«...Почему когда я вижу кого-нибудь рядом с НИМ, мне хочется этого «кого-нибудь» убить?»

...Сегодня какой-то урод назвал ЕГО «девчонкой». Завтра мать вызывают в школу, но мне все равно. Этот тип получил по заслугам. Любой, кто доставит ЕМУ боль, окажется на больничной койке. Я обещаю.

...Я, наверное, сплю. Но сегодня, пока мы с НИМ разговаривали, я четыре раза поймал себя на том, что пялюсь на ЕГО губы. Они у него такие пухлые. И должны быть сладкими. Черт, о чем я только думаю?

...Что со мной не так? Я болен? Или сошел с ума? Я хочу ЕГО поцеловать. Просто поцеловать.

...Мы с НИМ похожи, как две капли воды. Но почему при взгляде на НЕГО у меня перехватывает дыхание? Он угловат, неуклюж, но от ЕГО красоты у меня ноет сердце.

...Если я скажу ЕМУ, что я мечтаю о нем, ОН решит, что я псих?..

...Сегодня видел как, ОН смотрел на этого парня. Не могу понять, почему мне хочется убить их обоих?

...НЕНАВИЖУ!!!! БОЖЕ, КАК ЖЕ Я ЕГО НЕНАВИЖУ!!!!!!!!!! Так, тихо, спокойно, Ян... Дыши глубже. Вот так... ЧЕРТ!!! Почему, ну почему я приперся раньше?! Как он стонал... КАК ЭТОТ УРОД ПОСМЕЛ ТОЛЬКО ДО НЕГО ДОТРОНУТЬСЯ?!!!! ОН ЕГО ЦЕЛОВАЛ, ОН ЕГО ЛАСКАЛ, ОН ЕГО ТРАХАЛ!!! А Мирко... Каким красивым он был... Ненавижу!!

...Черт, парень оказался не из слабых. И если бы он не успел поиметь ЕГО, мы бы, наверное, даже подружились. Уважаю упертых. Чтобы отвадить его от Мирко, пришлось помахать кулаками и ненадолго вывести из строя его «хозяйство». Зато теперь он к НЕМУ точно не сунется.

...Мирко переживает. А я с ума схожу. Каждую ночь снится, как я его целую и как он подо мной стонет. Блядь, я хочу его так, что судорогой тело сводит. А он еще и издевается: ходит по дому в одних трусах. Понимаю, что жарко, но мне из-за этого приходится в широких джинсах, которые я терпеть не могу, ходить. А что поделать, если у меня стояк круглосуточный из-за него?

...Ненавижу его...

...Ненавижу его...

...Хочу...

...Я опять пьян. И к черту все!

...Это грех. Это грязь. Он - парень. Он - мой брат. Плевать.

...Я не свожу с него взгляда. Я уже ничего не скрываю: нет сил. Я ХОЧУ ЕГО. И теперь мой умный, догадливый брат об этом знает.

...Я касаюсь его, потому что иначе начинаю сходить с ума.

...Я пугаю его.

...Мне страшно. От страха пальцы сводит судорогой. Этого не может быть. Я не мог в него влюбиться...

...Плевать... Мне уже все равно.

...Я схожу с ума? Или вижу то, что хочу видеть? Мирко больше не шарахается от меня.

...Кажется, он тоже сходит с ума. Или это я заразил его?

...Он больше не вздрагивает от моих прикосновений. Но я вижу страх в его глазах. Маленький мой, если бы ты знал, как страшно мне.

...Ад? Рай? Не знаю. Я почти счастлив. Сегодня я целовал его. И он мне отвечал. Я ласкал его. Он еще лучше. Еще нежнее, чем я думал и мечтал. Он сладкий. Он тонкий. Он МОЙ. Он сам отдался в мои руки. И пусть мы так и не стали близки... Он проник в мою кровь. Он уже там.

Я помню, как дрожали его губы, когда мать кричала. Как он сжался, как прятал красное от стыда лицо. Маленький мой. Любимый мой. В этой жизни мне нужен только ты. Но тебе...

Мне нужно сделать выбор.

...Прости, нежный мой. Я буду следить за тобой.

...

...

...

...Я НЕ ОТДАМ ТЕБЯ, СЛЫШИШЬ?

НЕ ОТДАМ!! Теперь - не отдам! ТЫ МОЙ!! МОЙ.

...Мирко, Мир, Мирко. Любимый. Нежный. Ненавижу. Люблю. Ты мой, мой, мой. Я сделаю тебе постель из цветов, ванну из шампанского. Я изнежу тебя. Залюблю. Мирко... Только не он, только не Марин. Если он коснется тебя еще раз, я убью его, слышишь?!

...Розы. Ты всегда любил розы. Он дарит тебе розы? Плевать. Их тебе буду дарить Я.

...Ты боишься, нежный мой. Меня? Моей любви? Или себя? Не бойся, любимый, все будет хорошо. Я обещаю.

...Маленький мой... Тебе больно? Прости. Но так нужно было. Ты забудешь его. Я обещаю.

...Ты рядом. Ты есть. Я чувствую твой запах. Любуюсь тобой. ХОЧУ тебя. Но я обещал. И буду ждать, когда и ты захочешь меня.

...Почему ты не смотришь на меня?! ПОСМОТРИ НА МЕНЯ!! Подними глаза, дай мне заглянуть в них! Что ты прячешь от меня?!

...Ненавижу театр. Он забирает тебя у меня. Ненавижу агентство. Там Марин. Ненавижу этот мир. Он хочет тебя.

НО. ТЫ. ТОЛЬКО. МОЙ...»

Последние страницы догорели, и он провел кончиками пальцев по обрывкам вырванных не им страниц. Что там было? Признания? Сожаления? Голубые глаза потемнели от воспоминаний, пальцы сами собой сжали переплет, и в следующую секунду он полетел в огонь. Огонь лизнул его, словно пробуя на вкус, а потом жадно набросился на потрепанные уголки.

- Марин? - дверь тихо скрипнула, и в освещенную только светом камина гостиную дачного дома зашел парень. Нашел взглядом сгорбившуюся у камина фигуру, покачал головой, а потом приблизился, опустился на колени и обнял, прижимаясь к широкой спине.

- Что случилось, мой хороший? - тихо спросил он, мягко целуя плечо.

- Ничего, - грустная улыбка в ответ. - Просто смотрю на огонь.

- И что ты там видишь?

Марин медленно развернулся, заглянул в тускло сияющие глаза, а потом безгранично нежно коснулся приоткрытых губ, шепча:

- Тебя и меня, Мирко. Тебя и меня.